Legal Bulletin

2018 T.3

Учредитель и главный редактор – **Афанасьев Илья Владимирович,** кандидат юридических наук, старший преподаватель департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

В журнале публикуются научные статьи, в которых исследуются современное состояние российского законодательства, правоприменительная практика, формулируются предложения по совершенствованию различных отраслей права; анализируются методологические, теоретические и исторические аспекты государственно-правовых, гражданско-правовых, уголовно-правовых явлений, изучаются правовые институты России и зарубежных стран. Специализация журнала позволяет размещать результаты исследований междисциплинарного характера.

Требования к подаче материалов:

В начале первой страницы указываются на русском и английском языках: название статьи, инициалы и фамилия авторов, научная степень и звание (если есть), организация, в которой выполнена работа, должность. В конце статьи должны быть указаны фамилии, имена и отчества (полностью) автора(ов), контактная информация (телефон, адрес электронной почты). К статье должны быть приложены: аннотация на русском и английском языках (не более 2200 знаков); ключевые слова на русском и английском языках; пристатейные библиографические списки. Список используемой литературы печатается в конце статьи.

Изобразительные материалы могут быть представлены в форматах: JPG, TIF, EPS. Размер изображений 300 точек на дюйм.

Опубликованные материалы не могут быть полностью или частично воспроизведены, тиражированы и распространены без письменного разрешения редакции. За достоверность сведений, изложенных в публикациях, редакция и издатель ответственности не несут.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов материалов. Редакция вправе публиковать любые присланные в свой адрес произведения, письма и обращения читателей.

Издательство: Международный Центр «Искусство и образование»
Юридический адрес:101000, г.Москва, Хохловский пер., 3-16
ИНН 7715576892, ОГРН 1057748371856, ОКПО 78928720
Почтовый адрес: 101000, г.Москва, Хохловский пер., 3-16

Publishing house: International Centre «Art and Education»
Official address:101000, Moscow, Khohlovsky lane, 3-16
TIN 7715576892, PSRN 1057748371856, NCN 78928720
Postal address: 101000, Moscow, Khohlovsky lane, 3-16

Редакционный совет:

Альбов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор Московской государственной консерватории П.И. Чайковского, профессор Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова.

Букалерова Людмила Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов».

Дембицкий Алексей Алексеевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры правового и таможенного регулирования на транспорте Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ).

Камышанский Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой гражданского права Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина.

Остроушко Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Пикуров Николай Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин ФГКОУ ВО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации».

Свирин Юрий Александрович, доктор юридических наук, профессор, проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, Вице-Президент Гильдии Российских адвокатов, Академик РАЕН, Почетный адвокат России, председатель комиссии по защите прав адвокатов.

Хатунцев Олег Александрович, доктор юридических наук, ректор автономной некоммерческой Образовательной организации дополнительного профессионального образования «Московский институт Международного бизнеса (ТУРО)».

Усачева Елена Александровна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Центрального филиала «Российский государственный университет правосудия».

Оглавление

Афанасьев Илья Владимирович
О международной научно-практической конференции «Правовое регулирование миграционных процессов в России и Франции. Аспект безопасности» 6

Адиньяев Семен Ирсильевич
Международные стандарты ЕС в сфере уголовной ответственности за неправомерное использование инсайдерской информации и манипулирование рынком. 10

Букалерова Людмила Александровна, Ястребов Олег Александрович
Противодействие коррупции в системе образования 18

Василенко Александра Сергеевна
Меры обеспечения уголовного судопроизводства в уголовном процессе Кыргызской Республики 24

Дружинин Станислав Владимирович
Проблемы установления и выбора наказания за преступления, совершаемые в сфере экономической деятельности 29

Клебанов Лев Романович, Трефилова Виолетта Владимировна
О перспективах уголовной ответственности юридических лиц в российском законодательстве: некоторые аргументы «contra». 34

Кутуев Адам Русланович
Французский опыт противодействия организации, распространению и применению субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте 39

Лапшин Валерий Федорович
Об уместности использования в нормах о должностных преступлениях институтов административного законодательства. 43

Муркштис Мариус Йокубович
К вопросу о специальных криминологических мерах противодействия незаконному обороту оружия 49

Остроушко Александр Владимирович, Букалеров Александр Александрович
Защита информационной безопасности несовершеннолетних в КНР 56

Решетников Александр Юрьевич
Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля как частный случай криминализации неоконченного преступления 61

Хомич Олег Валентинович
Содержание субъективной стороны легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем 72

Шимшилова Эльмира Сулеймановна
Необходимость совершенствования уголовного законодательства об ответственности за преступления коррупционной направленности, совершаемые в коммерческих организациях 80

CONTENT

Afanasev Ilia Vladimirovich
About the international scientific-practical conference «Legal regulation of migration processes in Russia and France. Security Aspect» 6

Adinaev Simon Iosilevich
EU international standards in the field of criminal liability for the misuse of insider information and market manipulation 10

Bukalerova Lyudmila Aleksandrovna, Yastrebov Oleg Aleksandrovich
Anti-corruption in the education system 18

Vasilenko Alexandra Sergeevna
Measures to ensure criminal justice in the criminal process of the Kyrgyz Republic. 24

Druzhinin Stanislav Vladimirovich
Problems of establishing and choosing punishment for crimes committed in the sphere of economic activity 29

Klebanov Lev Romanobich, Trefilova Violetta Vladimirovna
Legislation of the Republic of Kazakhstan on countering international terrorism. 34

Kutuev Adam Ruslanovich
French experience in countering the organization, distribution and use of substances and (or) methods prohibited for use in sports 39

Lapshin Valery Fedorovich
On the appropriateness of using in the normes on malfeasance of institutions of administrative legislation 43

Marksthis Marius Yokubovich
The special criminological measures to counter illicit arms trafficking 49

Ostroushko Alexander Vladimirovich, Bukalerov Sergey Aleksandrovich
Protection of information security of minors in the PRC. 56

Reshetnikov Alexander Yuryevich
Encroachment on the life of a state or public figure as sui generis of unfinished offence. 61

Khomich Oleg Valentinovich
Subjective side of money laundering 72

Shimshilova Elmira Suleimanovna
The necessity of improvement of criminal legislation on liability for crimes of corruption committed in commercial organizations 80

Афанасьев Илья Владимирович
кандидат юридических наук,
Главный редактор журнала
«LEGAL BULLETIN»
e-mail: ivafv7@gmail.com

О международной научно-практической конференции «Правовое регулирование миграционных процессов в России и Франции. Аспект безопасности»

Afanasev Ilia Vladimirovich
PhD in law,
Editor in Chief of the Journal
«LEGAL BULLETIN»
e-mail: ivafv7@gmail.com

About the international scientific-practical conference «Legal regulation of migration processes in Russia and France. Security Aspect»

В данном номере журнала представлен тематический блок статей по результатам международной научно-практической конференции «Правовое регулирование миграционных процессов в России и Франции, аспект безопасности» проведенной совместно Российским университетом дружбы народов (РУДН) и университетом Ниццы София - Антиполис (УНС), при содействии Мэрии Ниццы и Международной Ассоциации Университетских Профессоров и Доцентов (IAUPL) при Юнеско. В представленных статьях анализируются широкий спектр вопросов посвященных правовой регламентации миграционных процессов в России и Франции; роли государственных органов в обеспечении безопасности миграционных процессов в России и Франции.

В прозвучавших выступлениях особое внимание было уделено государственной политике и юридическим ответам на феномен миграции. Были рассмотрены также экологический, медицинский, языковой, экономический и финансовый аспекты миграции.

Организаторами конференции выступили: Кристиан Валлар, Профессор юридического факультета, Директор Центра правовых исследований и исследований административного, конституционного, финансового и налогового права, Декан факультета права и политологии; Должикова А.В. – проректор по ДПО РУДН, к.х.н., доцент; Ястребов О.А. – Директор юридического института РУДН, д.ю.н., профессор; Букалерова Л.А., заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики РУДН, д.ю.н., профессор.

В работе конференции приняли участие: Мацкевич И. М. – заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, Главный ученый секретарь ВАК РФ; Полякова Т. А. - заведующая сектором информационного права ИГП РАН, доктор юридических наук, доцент. Заслуженный юрист Российской Федерации, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации 3 класса, почетный работник юстиции; Щепельков В. Ф. – заведующий кафедрой уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, доцент, член экспертного совета ВАК Министерства образования и науки РФ; Поставнин В. А. - президент фонда «Миграция - XXI век»; Нигматуллин Р. В. - заведующий кафедрой международного права и международных отношений Башкирского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, полковник полиции в отставке; Ганс-Дитрих Фон Лёффельхольц - экс-начальник исследовательского управления Федерального ведомства по делам мигрантов и беженцев (BAMF), Германия; Зорин В. Ю.- член Совета по межнациональным отношениям при президенте российского государства; Султанова Ш.Ш. - ведущий специа-

лист службы проректора по дополнительному образованию РУДН; Вакула М. А. - заведующий кафедрой земельного и экологического права РУДН, к.ю.н., доцент и другие.

Проф. Валлар отметил, что в конференции принимают участие учёные семи университетов России, Франции и Албании. Он подчеркнул актуальность поднятой темы для стран Восточной Европы, которая приняла в 2015-2017 годах 1 800 000 мигрантов. В настоящее время проблема остаётся острой, а политическая значимость вопроса возрастает в связи с предстоящими выборами в Европарламент и усилением позиций правых сил (по результатам выборов в нынешнем году). В связи с этим большой интерес имеет опыт решения проблем беженцев и трудовых миграций в Российской Федерации.

На конференции обсуждались вопросы развития права и миграционные процессы в мире, роль и влияние цифровых технологий, и развитие электронного государства, правовое регулирование миграционных процессов в России и Франции, опыт Германии, роль государственных органов в обеспечении безопасности миграционных процессов в России и Франции.

Эксперты отмечали, что цели мигрантов, их этнический состав и особенности исторического прошлого заставляют говорить о различных моделях миграционных процессов, происходящих в Европе и России, но, как сказал г-н Валлар, декан Факультета права и политических наук Университета Ниццы София-Антиполис, «единым и неоспоримым положением остаётся требование к мигрантам уважать и следовать нормам права, культуры и поведения, принятым в том обществе, куда мигранты прибывают. Невозможно сохранить стабильность и обеспечить развитие общества без понимания этого со стороны мигрантов».

Учёные Научно-исследовательского центра административного, конституционного, финансового и налогового права (CERDACFF) отметили, что в многообразии кроется богатство человечества и важно это богатство раскрыть, в том числе путём выработки правильных государственных мер по отбору и адаптации прибывающих мигрантов.

Опытом многовекового сосуществования множества языков и культур в России поделился В.Ю. Зорин, член Комиссии по вопросам миграции и социокультурной адаптации Совета при Президенте РФ по межнациональным вопросам. Однако учёный отметил, что «современные миграционные процессы в силу своего бурного колебания, требуют более активного вмешательства со стороны гражданского общества и государства в целом».

Интерес к работе конференции также проявили представители администрации г. Ниццы. Помощник мэра города, региональный советник, председатель Евро-Средиземноморской комиссии Агнес Рампал отметила, что так

как европейское общество проявляет высокий интерес к вызовам, связанным с миграцией, подобные научно-практические площадки должны быть поддержаны и их работа должна быть продолжена на стабильной основе для эффективных исследований и выработки предложений.

Журнал «LEGAL BULLETIN» готов предоставить свои страницы для публикации широкого спектра мнений о тенденциях и перспективах развития российского и зарубежного законодательства. Ждем ваших предложений по совершенствованию различных отраслей права, совершенствованию технологий обучения праву и многим другим исследованиям междисциплинарного характера.

Адиньяев Семен Ирсильевич
старший преподаватель
кафедры прикладной экономики
Российского университета дружбы народов
Москва, Россия
e-mail: prikladnaya-economika@yandex.ru

Международные стандарты ЕС в сфере уголовной ответственности за неправомерное использование инсайдерской информации и манипулирование рынком

Статья посвящена вопросам охраны манипулирования рынком и неправомерного использования инсайдерской информации через призму стандартов ЕС в сфере уголовной ответственности за данные преступления. Автор в своей работе подробно анализирует признаки и данные составов преступлений.

Ключевые слова: манипулирование рынком, инсайдерская информация, ответственность, ЕС.

Adinaev Simon Iosilevich
senior lecturer of applied Economics
of the Russian University of friendship of peoples
(RUDN UNIVERSITY)
Moscow, Russia
e-mail: prikladnaya-economika@yandex.ru

EU international standards in the field of criminal liability for the misuse of insider information and market manipulation

The article is devoted to the protection of market manipulation and the misuse of insider information. through the prism of EU standards in the field of criminal responsibility for these crimes. The author in his work analyzes in detail the characteristics of the elements of crimes.

Keywords: market manipulation, insider information, responsibility, EU.

Регулятивные правила ЕС в области злоупотребления на рынке ценных бумаг (далее – Правила) были приняты в 2014 году (Regulation (EU) No 596/2014 of the European Parliament and of the Council of 16 April 2014 on market abuse (market abuse regulation) and repealing Directive 2003/6/EC of the European Parliament and of the Council and Commission Directives 2003/124/EC, 2003/125/EC and 2004/72/EC Text with EEA relevance) [1].

В данном нормативном правовом акте определен ряд ключевых понятий, связанных с манипулированием рынком и неправомерным использованием инсайдерской информации, а также раскрыты признаки деяний.

Так, согласно ст. 7, для целей настоящих Правил внутренняя (инсайдерская) информация должна включать следующие виды информации:

а) информация точного характера, которая не была предана гласности, прямо или косвенно касалась одного или нескольких эмитентов или одного или нескольких финансовых инструментов и которая, если бы она была обнародована, могла бы оказать значительное влияние на цены этих финансовых инструментов или цены соответствующих производных финансовых инструментов;

б) в отношении товарных производных, информация точного характера, которая не была предана гласности, прямо или косвенно связанная с одним или несколькими такими производными инструментами или непосредственно относящаяся к соответствующему контракту на товар, и который, если бы он был обнародован, вероятно, окажет существенное влияние на цены таких товаров или связанных с ними спотовых товарных контрактов, и если это информация, которая, как ожидается, будет раскрыта или должна быть раскрыта в соответствии с правовыми или нормативными положениями на уровне Союза или на национальном уровне, рыночные правила, контракт, практика или обычай, на соответствующих рынках товарных деривативов или на спотовых рынках;

в) в отношении надбавок на выставленных на аукцион продуктов, информация точного характера, которая не была предана гласности, прямо или косвенно связана с одним или несколькими такими инструментами и которая, если бы она была обнародована, оказывают значительное влияние на цены таких инструментов или на цены соответствующих производных финансовых инструментов;

г) для лиц, которым поручено исполнение распоряжений относительно финансовых инструментов, это также означает информацию, переданную клиентом и относящуюся к отложенным ордерам клиента в финансовых инструментах, которая носит точный характер, прямо или косвенно относящаяся к одному или нескольким эмитентам или к одному или нескольким финансовым инструментам и который, если бы он был обнародован, мог бы оказать существенное влияние на цены этих финансовых инструментов, цену соответствующих сделок с товарными товарами или на цену связанных производных финансовых инструментов.

Таким образом, следует отметить, что в европейских документах дается максимальное широкое понимание инсайдерской информации, которая включает в себя не только непосредственную точную информацию, которая не предается гласности ввиду ее значимости, но и ряд других видов информации, которую европейский законодатель также относит к инсайдерской информации.

Также, согласно рассматриваемому документу, дается понятие инсайдерской торговли. Согласно ст. 8, для целей настоящих Правил инсайдерская торговля возникает там, где какое-либо лицо обладает внутренней информацией и использует эту информацию путем приобретения или распоряжения, за свой счет или за счет третьей стороны, прямо или косвенно относительно финансовых инструментов, к которым относится эта информация. Использование внутренней информации путем отмены или изменения порядка, касающегося финансового инструмента, к которому относится информация, в том случае, когда заказ был помещен соответствующим лицом, обладал внутренней информацией, также считается инсайдерской сделкой. В отношении аукционов с разрешениями на выбросы или других проданных на аукционе продуктов, которые содержатся в соответствии с Регламентом (ЕС) № 1031/2010, использование внутренней информации также включает в себя представление, изменение или снятие заявки лицом за свой счет или за счет третьей стороны.

Для целей настоящих Правил рекомендации о том, чтобы другое лицо занималось инсайдерской деятельностью или побуждало другое лицо заниматься инсайдерской торговлей, возникает там, где лицо обладает внутренней информацией и:

а) рекомендует на основании этой информации, чтобы другое лицо приобретало или распоряжалось финансовыми инструментами, к которым относится эта информация, или побуждает это лицо совершать такое приобретение или распоряжение;

б) рекомендует на основании этой информации, чтобы другое лицо отменило или изменило распоряжение о финансовом инструменте, к которому относится эта информация, или побуждает это лицо совершить такую отмену или изменение;

в) использует рекомендации или побуждения, упомянутые в п. 2, являющиеся инсайдерской сделкой по смыслу настоящей статьи, когда лицо, использующее рекомендацию или побуждение, знает или должно знать, что оно основано на внутренней информации.

Таким образом, объективная сторона неправомерного использования инсайдерской информации согласно данному документу предполагает не только неправомерное использование инсайдерской информации, но дачу рекомендаций иным лицам об использовании инсайдерской информации. При этом инсайдерской сделкой является в том числе сделка, совершенная с использованием инсайдерской информации или на основании рекомендаций, полученных от лица, владеющего инсайдерской информацией.

Также отдельное указание в рамках Правил ЕС содержится относительно признаков субъекта неправомерного использования инсайдерской информа-

ции. В частности, указывается, что настоящая статья применяется к любому лицу, которое обладает внутренней информацией и:

- является членом административных, управленческих или надзорных органов эмитента или участника рынка разрешений на выбросы;
- участвует в капитале эмитента или участника рынка, имеющего разрешение на эмиссию;
- имеет доступ к информации посредством занятия, профессии или обязанностей;
- участвует в преступной деятельности.

Анализируя признаки субъекта неправомерного использования инсайдерской информации, следует отметить, что фактически в общеевропейских документах, касающихся вопросов регулирования данной сферы, указывается на два основных вида субъекта: а) лица, которые получают доступ к инсайдерской информации в процессе своей профессиональной деятельности; б) лица, которые участвуют в преступной деятельности и в процессе осуществления преступной деятельности совершают действия, связанные с неправомерным использованием инсайдерской информации. Наличие указания на признак субъекта, осуществляющего преступную деятельность, является существенной особенностью общеевропейского уголовного законодательства в исследуемой сфере.

Также отдельно в рамках Правил содержится указание на содержание признаков объективной стороны манипулирования рынком.

Согласно ст. 12, для целей настоящих Правил манипулирование рынком должно включать следующие виды деятельности:

а) заключение сделки, размещение заказ на торговлю или любое другое поведение, которое:

- дает или может давать ложные или вводящие в заблуждение сигналы относительно предложения, требования или цены финансового инструмента, связанного с ним спотового товарного контракта или аукционного продукта на основе разрешений на эмиссию; или
- обеспечивает или может обеспечить цену одного или нескольких финансовых инструментов, связанного с ним товарного договора или продаваемого на аукционе продукта на основе разрешений на эмиссию на ненормальном или искусственном уровне;
- если лицо, совершающее сделку, размещение заказа на торговлю или участие в каком-либо другом поведении, устанавливает, что такая сделка, порядок или поведение были выполнены по законным причинам и соответствуют принятой рыночной практике, установленной в соответствии со ст. 13;

б) совершение сделки, размещение заказа на торговлю или любую другую деятельность или поведение, которые влияют или могут повлиять на цену одного или нескольких финансовых инструментов, связанного с ним товарного договора или аукциона на основе разрешений на эмиссию, в которых используется фиктивные устройства или любая другая форма обмана или приспособления;

в) распространение информации через средства массовой информации, в том числе в Интернете, или любыми другими способами, которые дают или могут давать ложные или вводящие в заблуждение сигналы о поставке, спросе или цене финансового инструмента, связанного спотового товара контракта или продаваемого на аукционе продукта на основе разрешений на эмиссию или обеспечения или, возможно, обеспечит цену одного или нескольких финансовых инструментов, связанного с ним товарного контракта или аукционного продукта на основе разрешений на эмиссию на ненормальном или искусственном уровне, включая распространение слухов, когда человек, который распространил информацию, знал или должен был знать, что информация была ложной или вводящей в заблуждение;

г) передача ложной или вводящей в заблуждение информации или предоставление ложных или вводящих в заблуждение вводных данных в отношении контрольного показателя, в котором лицо, совершившее передачу или предоставившее информацию, знало или должно было знать, что оно было ложным или вводящим в заблуждение, или любое другое поведение, которое манипулирует рынком.

Таким образом, в рассматриваемом документе указывается на два основных деяния, связанных с манипулированием рынка: а) совершение сделок, которые могут ввести в заблуждение иных участников рынка в процессе торгов; б) распространение информации, которая вводит в заблуждение участников торгов и влияет на них.

Отдельно в рамках Правил содержится указание на то, что следующее поведение должно среди прочего рассматриваться как манипуляция рынком:

а) поведение лица или лиц, действующих в сотрудничестве, с целью занять доминирующее положение в отношении предложения или требования к финансовому инструменту, связанным товарным контрактам или проданным на аукционе продуктам на основе разрешений на эмиссию, которые имеют или могут иметь возможность фиксировать, прямо или косвенно, цены покупки или продажи или создавать или, возможно, создавать другие недобросовестные условия торговли;

б) покупка или продажа финансовых инструментов на открытии или закрытии рынка, который имеет или может иметь эффект введения в заблуж-

дение инвесторов, действующих на основе отображаемых цен, включая цены открытия или закрытия;

в) размещение заказов на торговое место, включая любую отмену или модификацию, любыми доступными способами торговли, в том числе с помощью электронных средств, таких как алгоритмические и высокочастотные торговые стратегии, и которое имеет одно из последствий, упомянутых в п. 1 (a) или (b), путем:

срыва или замедления функционирования системы торговой площадки;

затруднения для других лиц выявления подлинных заказов в торговой системе торгового объекта или в том числе путем ввода заказов, которые приводят к перегрузке или дестабилизации книжки заказов; или

создания сложного или вводящего в заблуждение сигнала о поставке или требовании или цене финансового инструмента, в частности путем ввода заказов для инициирования или усугубления тенденции;

использования случайного или регулярного доступа к традиционным или электронным средствам информации путем выражения мнения о финансовом инструменте, соответствующем товарном контракте или аукционе на основе эмиссионных разрешений (или косвенно о его эмитенте), в то время как ранее занимаемые должности по отношению к этому финансовому инструменту, связанному с ним товарному контракту или аукционному продукту на основе разрешений на эмиссию с целью впоследствии извлекать выгоду из влияния мнений, высказанных по цене этого инструмента, связанного с ним товарного контракта или аукционного продукта на основе разрешений на эмиссию, без одновременного раскрытия того, что есть конфликт интересов предусмотренным законом образом;

покупки или продажи на вторичном рынке разрешений на эмиссию или связанных с ними производных инструментов до проведения аукциона, проведенного в соответствии с Постановлением (EU) № 1031/2010, с целью исправить цену на аукционе на аномальном или искусственном уровне или ввести в заблуждение участников торгов на аукционах.

За счет указания на данные признаки европейский законодатель расширяет подход к пониманию признаков манипулирования рынком. Помимо традиционных деяний, связанных с заключением сделок и распространением информации, вводящей в заблуждение участников рынка ценных бумаг, также акцентируется внимание на иных действиях, которые сами по себе не могут признаваться манипуляционными действиями на рынке, но в совокупности с иными действиями либо в конкретной ситуации являются манипулированием рынком.

В целом, анализируя европейские стандарты в сфере противодействия злоупотребления на рынке ценных бумаг, которые в настоящий момент явля-

ются основой европейского уголовного законодательства в сфере ответственности за манипулирование рынком и неправомерное использование инсайдерский информации, следует отметить следующее.

1. В регулятивных правилах ЕС в области злоупотребления на рыке ценных бумаг содержится указание на общие стандарты ответственности за манипулирование рынком и неправомерное использование инсайдерской информации, которые должны быть реализованы в рамках национального законодательства отдельных государств ЕС. В указанных Правилах содержатся стандарты ответственности как за манипулирование рынком, так и за неправомерное использование инсайдерской информации.

2. Европейский законодатель широко трактует понятие инсайдерской информации, которая включает в себя не только непосредственную точную информацию, которая не предается гласности ввиду ее значимости, но и ряд других видов информации, которую европейский законодатель также относит к инсайдерской информации.

3. В регулятивных правилах ЕС содержится описание признаков деяния, связанного с неправомерным использованием инсайдерской информации, и указание на признаки субъекта данного преступления. Относительно описания признаков деяния европейский законодатель придерживается традиционной трактовки неправомерного использования инсайдерской информации, предполагающей установление ответственности как за непосредственное использование такой информации субъектом, имеющим к ней доступ на определенном основании, так и за дачу рекомендаций иным лицам относительно использования инсайдерской информации и ее последующее использование этими лицами. При этом особенностью европейских стандартов в сфере ответственности за неправомерное использование инсайдерской информации является расширение перечня субъектов данного преступления за счет включения в них лиц, осуществляющих преступную деятельность, связанную с использованием инсайдерской информации. Как правило, это лица, находящиеся в сговоре с инсайдерами, которые получают соответствующую информацию и используют ее для осуществления инсайдерских сделок.

4. Устанавливая стандарты ответственности за манипулирование рынком, европейский законодатель предусматривает широкий подход к вопросу описания признаков деяний, относящихся к манипулированию рынком. Помимо традиционного понимания признаков данного преступления, которое предполагает две группы деяний:

а) совершение сделок, которые направлены на введение в заблуждение отдельных участников рынка ценных бумаг;

б) распространение информации, которая направлена на введение в заблуждение участников рынка ценных бумаг.

Однако, помимо традиционных признаков объективной стороны манипулирования рынком, в европейских Правилах содержится определенное расширение признаков объективной стороны манипулирования рынком, предполагающее ответственность не только за указанные деяния, но и при определенных обстоятельствах за иные деяния, которые в совокупности или в определенных условиях могут быть признаны манипулированием рынком.

Библиографический список

1. Regulation (EU) No 596/2014 of the European Parliament and of the Council of 16 April 2014 on market abuse (market abuse regulation) and repealing Directive 2003/6/EC of the European Parliament and of the Council and Commission Directives 2003/124/EC, 2003/125/EC and 2004/72/EC Text with EEA relevance // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32014R0596>.
2. Vysotskaya N.V. et al. Math e mat i cal mod el ling of the de pend ence of for - eign di rect in vest ments on the pro tection level of prop erty rights / N.V. Vysotskaya, S.N. Sayfieva, I.V. Afanasyev, A.A. Dembitsky, G.N. Nikolaeva // In ter na tional Jour nal of Sim u la tion: Sys tems, Sci ence and Tech nol ogy (IJSSST). 2018.Vol ume 19, Issue:6, pp. 37.1-37.3.

REFERENCES

1. Regulation (EU) No 596/2014 of the European Parliament and of the Council of 16 April 2014 on market abuse (market abuse regulation) and repealing Directive 2003/6/EC of the European Parliament and of the Council and Commission Directives 2003/124/EC, 2003/125/EC and 2004/72/EC Text with EEA relevance // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32014R0596>.
2. Vysotskaya N.V. et al. Math e mat i cal mod el ling of the de pend ence of for - eign di rect in vest ments on the pro tection level of prop erty rights / N.V. Vysotskaya, S.N. Sayfieva, I.V. Afanasyev, A.A. Dembitsky, G.N. Nikolaeva // In ter na tional Jour nal of Sim u la tion: Sys tems, Sci ence and Tech nol ogy (IJSSST). 2018.Vol ume 19, Issue:6, pp. 37.1-37.3.

Букалерова Людмила Александровна
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Российского университета дружбы народов.
Москва, Россия
e-mail: ugolovnoe_pravo@list.ru

Ястребов Олег Александрович
доктор юридических наук, профессор,
директор Юридического института
Российского университета дружбы народов.
e-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

Противодействие коррупции в системе образования

Коррупция в сфере образования в России влечет за собой иные существенные проблемы: ухудшение качества знаний; снижение возможности для получения доступного и бесплатного образования; деформацию правосознания и формирование у обучающихся правового нигилизма. В статье рассмотрены законодательные и правоприменительные меры противодействию коррупции в образовании.

Ключевые слова: коррупция, образование, противодействие, закон, общественный контроль, РУДН.

Bukalerova Lyudmila Aleksandrovna
Doctor of Law, Professor,
head of the Department of criminal law,
criminal procedure and criminology
of the Peoplesr friendship university of Russia.
e-mail: ugolovnoe_pravo@list.ru

Yastrebov Oleg Aleksandrovich
doctor of law, Professor,
Director of the Law Institute
of the Peoplesr friendship university of Russia.
(RUDN UNIVERSITY)
Moscow, Russia
e-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

Anti-corruption in the education system

Corruption in education in Russia entails other significant problems: the deterioration of the quality of knowledge; reduced access to affordable and free education; deformation of legal consciousness and the formation of legal nihilism in students. The article deals with legislative and law enforcement measures against corruption in education.

Keywords: corruption, education, counteraction, law, public control, RUDN.

В докладе ЮНЕСКО за 2014 год указано, что во всех странах сектор образования является одним из крупнейших компонентов государственного сектора. Он потребляет от 20 до 30 процентов всего бюджета (центрального и местных), в нем трудится наибольшая часть образованных трудовых ресурсов (администраторов, инспекторов, учителей и преподавателей), и он охватывает от 20 до 25 процентов населения (учащихся школ, студентов, родителей, другие заинтересованные стороны). В то же время в большинстве стран, как богатых, так и бедных, сектор образования сталкивается с серьезными трудностями и кризисными явлениями, к которым относятся: недостаток финансирования; малоэффективное управление; потери ресурсов; низкое качество предоставляемых услуг; недостаточная востребованность выпускников, иллюстрируемая высокой степенью безработицы среди них. И это далеко не все [1].

Д.А. Повный прав, отмечая, что сфера образования традиционно остается одной из наиболее коррумпированных. Это объясняется недостаточной открытостью деятельности образовательных учреждений, не всегда эффективным государственным и общественным контролем, непроработанностью превентивных мероприятий, наличием корыстного интереса у сторон (как у обучающихся, так и у лиц, предоставляющих образовательные услуги) в сохранении коррупционных связей и др. К числу факторов, способствующих росту коррупции в образовании, относятся: разрозненность и противоречивость образовательного законодательства; понижение качества образовательных услуг; укоренение в сознании обучающихся маргинальной модели поведения (правовой инфантилизм и правовой нигилизм) [2].

В 2017 году Председателем Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкиным отмечалось, что чаще других фигурантами уголовных дел о коррупции становятся представители правоохранительных органов, должностные лица муниципальных учреждений и предприятий, органов местного самоуправления, сфер образования и здравоохранения, военнослужащие. В 2017 году в Следственный комитет Российской Федерации поступило почти 23 тыс. сообщений о коррупционных преступлениях, по итогам их рассмотрения следователи возбудили 14,5 тыс. уголовных дел (на 20 процентов меньше, чем в 2016 году), фигурантами дел стали 277 работников системы образования и науки [3].

На государственном уровне данным проблемам уделяется внимание и принимаются действенные меры. Так, в Указе Президента Российской Федерации от 29 июня 2018 года № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» Правительству Российской Федерации, в частности, поручено: подготовить предложения о внесении в законодательство Российской Федерации изменений, предусматривающих утвер-

ждение типовых дополнительных профессиональных программ по вопросам противодействия коррупции; обеспечить проведение ежегодного повышения квалификации федеральных государственных служащих, в должностные обязанности которых входит участие в противодействии коррупции (не менее 1000 человек в год); обеспечить включение в федеральные государственные образовательные стандарты общего образования, среднего профессионального и высшего образования положений, предусматривающих формирование у обучающихся компетенции, позволяющей выработать нетерпимое отношение к коррупционному поведению, а в профессиональной деятельности – содействовать пресечению такого поведения.

Полностью разделяем мнение Н.П. Бухариной, что под коррупцией в образовательных организациях понимается общественно опасное социально-правовое явление, возникающее в государственных, муниципальных и частных образовательных организациях и заключающееся в непосредственном либо опосредованном использовании субъектами должностного или служебного положения, статуса в личных или групповых интересах для извлечения выгод, преимуществ материального и нематериального характера [4].

В системе высшего образования авторами выделяются следующие коррупционные риски: «риски, возникающие при управлении научными или образовательными организациями соответствующими должностными лицами, и риски, сопутствующие непосредственно образовательному или научно-исследовательскому процессу. Руководство соответствующего учреждения подвержено рискам правового характера (недостаточное нормативное закрепление запретов и ограничений должностных лиц; отсутствие в организации локальных актов против коррупции; принятие локальных актов, содержащих нормы коррупционного свойства, и т.д.); организационного характера (отсутствие антикоррупционного органа либо специальных должностей, уполномоченных осуществлять функции по противодействию коррупции; фаворитизм и непотизм); контрольно-надзорного характера (неполнота механизма внутреннего контроля и надзора в отношении работников организации с целью недопущения коррупционного поведения); финансово-бюджетного характера (нерациональное или неправомерное распределение бюджета организации в личных корыстных целях)».

Коррупционные риски, с которыми сталкивается профессорско-преподавательский состав вуза, а также сотрудники научных и научно-исследовательских организаций, можно сгруппировать по нескольким блокам: «риски, связанные с возможным подкупом («вознаграждение» за экзамен, зачет, курсовую работу); риски, связанные с авторским правом (продажа чужих дипломных работ и диссертаций; оформление учебных и методических работ за

отдельную плату); риски поведенческого характера, связанные с образовательным и научным процессом (покровительство отдельным студентам, сотрудникам; получение «премий» от руководства за продвижение обучающихся или некоторых работников; кумовство в трудовом коллективе и т.д.)» [5].

В соответствии со ст.5 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273 -ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» государство гарантирует гражданам общедоступность и бесплатность в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования. Эффективными представляются меры, предусмотренные в Письме Минобрнауки России от 9 сентября 2015 года № ВК -2227/08 «О недопущении незаконных сборов денежных средств», в котором содержится доступная «Памятка для родителей».

Следует указать, что в региональных законодательных актах о предупреждении и пресечении коррупции предлагаются следующие меры противодействия коррупции в сфере образования: «участие представителей научных и образовательных организаций в деятельности экспертных и совещательных органов по предупреждению коррупции; решение задач антикоррупционного образования и пропаганды; осуществление взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления с образовательными организациями как мера профилактики коррупции; подготовка и издание учебных, методических пособий; проведение научных исследований, опросов, анкетирования; организация курсов повышения квалификации для работников образовательных организаций, государственных и муниципальных служащих по проблематике противодействия коррупции; организация культурно-массовых мероприятий, выставок, конкурсов, рассчитанных на различную аудиторию; введение в учебные планы определенных образовательных организаций (в частности юридического профиля) специальных курсов, направленных на обучение навыкам предупреждения и противодействия коррупции; преподавание тематики противодействия коррупции в рамках программ переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров; меры, направленные на повышение прозрачности деятельности соответствующих органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и подведомственных им учреждений; введение в трудовые договоры, заключаемые соответствующим органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации с руководителями бюджетных и автономных учреждений, обязанностей, предусмотренных ст.13.3 Федерального закона «О противодействии коррупции» (обязанность организаций принимать меры по предупреждению коррупции); участие представителей

законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации в контрольных (надзорных) мероприятиях, в частности при приеме абитуриентов в образовательные организации высшего профессионального образования, в проверках посещаемости в организациях, осуществляющих образовательную деятельность; организация работы «телефона доверия», «горячей линии» и др» [6].

Эффективным также представляется широкое участие общественности в контроле за деятельностью образовательных организаций на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном) и в самих школах, вузах; воспитание в сотрудниках непримиримости к коррупционным проявлениям (дисциплина на уровне самодисциплины); проведение разъяснительной, профилактической работы.

В ст. 26 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» предусмотрено, что в целях учета мнения обучающихся, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся и педагогических работников по вопросам управления образовательной организацией и при принятии образовательной организацией локальных нормативных актов, затрагивающих их права и законные интересы, по инициативе обучающихся, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся и педагогических работников в образовательной организации: создаются советы обучающихся (в профессиональной образовательной организации и образовательной организации высшего образования – студенческие советы), советы родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся или иные органы (далее – советы обучающихся, советы родителей); действуют профессиональные союзы обучающихся и (или) работников образовательной организации (далее – представительные органы обучающихся, представительные органы работников).

Российский университет дружбы народов (РУДН) активно вовлечен в антикоррупционную деятельность: проводит ежегодные научные мероприятия, на которых обсуждаются вопросы профилактики и предупреждения коррупции в России и зарубежных странах; разработан спецкурс для бакалавриата Юридического института «Коррупционные преступления»; издаются монографии, статьи по теме противодействия коррупции; в 2018 году совместно с Евразийским национальным университетом имени Л.Н. Гумилева открыта программа ДПО «Противодействие коррупции в сфере образования».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Коррумпированные школы, коррумпированные университеты: Что можно сделать? – ЮНЕСКО: Международный Институт Планирования Образования, 2014.
2. Повный Д.А. Административные процедуры как средство противодействия коррупции в образовании Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2011.
3. Козлова Н. Интервью Председателя Следственного комитета Российской Федерации Александра Бастрыкина «Российской газете» // РГ. – 2017. – 7 дек.
4. Бухарина Н.П. Коррупция в образовательных организациях: понятие и признаки // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 12. – С. 133–144.
5. Поляков М.М. Противодействие коррупции в сфере высшего образования и научно-исследовательской деятельности // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 11. – С. 54–62.
6. Плюгина И.В. Правовые механизмы предупреждения коррупции в сфере образования // Журнал российского права. – 2016. – № 12. – С. 123–133.

REFERENCES

1. Corrupt schools, corrupt universities: What can be done? – UNESCO: international Institute of Education Planning, 2014.
2. Povny D.A. Administrative procedures as a means of combating corruption in the formation of the Russian Federation: Dis. ... kand. the faculty of law. sciences'. – Chelyabinsk, 2011.
3. Kozlova N. Interview with The Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation Alexander Bastrykin «Russian newspaper» / RG. – 2017. – Dec 7.
4. Bukharina N.P. Corruption in educational institutions: concept and features // Actual problems of Russian law. – 2016. – № 12. – P. 133–144.
5. Polyakov M.M. Combating corruption in the sphere of higher education and scientific-research activities // Actual problems of Russian law. – 2016. – № 11. – P. 54–62.
6. Pilyugina I.V. Legal mechanisms of prevention of corruption in education // Journal of Russian law. – 2016. – № 12. – P. 123–133.

Василенко Александра Сергеевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Российского университета дружбы народов
Москва, Россия
e-mail: ugolovnoe_pravo@list.ru

Меры обеспечения уголовного судопроизводства в уголовном процессе Кыргызской Республики

В новом Уголовно-процессуальном кодексе Республики Кыргызстан вместо мер процессуального принуждения закреплены меры обеспечения уголовного судопроизводства. Статья посвящена исследованию этих мер. В статье рассмотрены основания и общие условия задержания; виды мер пресечения, сроки, условия и применения основания заключения под стражу; иные меры обеспечения уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовный процесс, меры обеспечения, заключение под стражу, запрет на приближение.

Vasilenko Alexandra Sergeevna
PhD in law, associate Professor
of criminal law, criminal procedure
and criminology
of the Peoples' friendship University of Russia
(RUDN UNIVERSITY)
Moscow, Russia
e-mail: ugolovnoe_pravo@list.ru

Measures to ensure criminal justice in the criminal process of the Kyrgyz Republic

In the new Criminal Procedure Code of the Republic of Kyrgyzstan, instead of measures of procedural coercion, measures to ensure criminal proceedings are enshrined. The article is devoted to the study of these measures. The article discusses the grounds and general conditions of detention; types of preventive measures, terms, conditions and application of the grounds for detention; other measures to ensure criminal proceedings.

Keywords: criminal procedure, security measures, imprisonment, prohibition of approach.

Новый Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики, вступивший в силу с 1 января 2019 года, в числе прочего закрепляет изменения в главе, посвященной мерам, обеспечивающим надлежащее поведение участников уголовного судопроизводства. Такие меры содержатся в разделе IV

нового Уголовно-процессуального кодекса и называются мерами обеспечения уголовного судопроизводства.

Меры обеспечения уголовного судопроизводства – способы уголовно-процессуального воздействия, используемые органами следствия и суда по отношению к участникам уголовного процесса, заключающиеся в ограничении прав участников и направленные на понуждение к должному поведению участника в уголовном процессе. К мерам обеспечения уголовного судопроизводства относятся задержание, меры пресечения, а также иные меры обеспечения уголовного судопроизводства.

Задержанием признается кратковременное фактическое лишение свободы передвижения лица, применяемое уполномоченным лицом в случаях, не терпящих отлагательств, для пресечения противоправного деяния, разрешения вопроса о заключении лица под стражу, а также обеспечения производства по делу о проступке.

Лицо может быть задержано, если оно застигнуто во время совершения или сразу после совершения противоправного деяния, либо если на это лицо укажут очевидцы происшествия или потерпевший как на лицо, совершившее деяние, а также если на лице, при нем, на его одежде или других его вещах, в его жилище обнаружены явные следы противоправного деяния.

В момент доставления лица в орган дознания или следствия после задержания должно быть составлено постановление. Его копия должна быть вручена задержанному, а также в течение 12 часов направлена прокурору. Уголовно-процессуальный кодекс допускает личный обыск задержанного. До истечения 45 часов (в случае с несовершеннолетним – 21 часа) задержанное лицо должно быть доставлено в суд для решения вопроса о законности и обоснованности его задержания. С момента задержания лицо вправе пользоваться услугами защитника, а также получать своевременную медицинскую помощь.

В случаях, когда подозрение в совершении преступления не подтвердилось, либо истек срок задержания, отсутствуют основания применения меры пресечения в виде заключения под стражу, либо в ходе задержания были допущены процессуальные нарушения, задержанный подлежит освобождению.

Срок задержания составляет 48 часов, а в отношении несовершеннолетних ограничен 24 часами.

Кроме правоохранительных органов любое физическое лицо имеет право на задержание лица, совершившего преступление или проступок, с целью передачи либо доставления в уполномоченный государственный орган. Непосредственно после задержания уполномоченное должностное лицо обязано уведомить о задержании лица его близких родственников, защитника, а в

случае с гражданином другого государства – консульство. После задержания лицо подлежит допросу в качестве подозреваемого. Ему должны быть разъяснены имеющиеся права и обеспечено присутствие адвоката.

Мерами пресечения признаются принудительные меры, которые могут быть применены к подозреваемому или обвиняемому с целью предотвращения совершения других общественно опасных деяний этими лицами, а также с целью пресечения действий, которые могут препятствовать производству по уголовному делу. Кроме того, меры пресечения могут применяться для обеспечения исполнения приговора.

Меры пресечения применяются только при наличии весомых оснований полагать, что лицо обладает возможностью скрыться от органа, осуществляющего преследование, и суда, может препятствовать досудебному производству и разбирательству в суде, а также продолжит преступную деятельность.

Также мера пресечения может быть избрана в целях обеспечения его последующей выдачи для привлечения к уголовной ответственности или исполнения приговора суда иностранного государства.

При избрании меры пресечения должны быть учтены обоснованность подозрения, а также личность обвиняемого, подсудимого (род занятий, возраст, состояние здоровья, семейное положение и другие обстоятельства).

Максимальный срок задержания – 48 часов. По истечении этого срока лицо освобождается либо к нему применяется мера пресечения. Мера пресечения может быть применена и к не задерживаемому ранее подозреваемому. Об избрании любой меры пресечения следственный судья выносит постановление, а суд – определение. Для этого необходимо, чтобы прокурор своим постановлением возбудил ходатайство о применении к лицу меры пресечения и с сопровождающими материалами, обосновывающими необходимость применения мер пресечения, представлено следственному судье (в отношении задержанного это должно быть выполнено не позднее, чем за 2 часа до истечения 48-часового срока задержания). Копия такого постановления со всеми прилагаемыми материалами должна быть вручена подозреваемому, обвиняемому, его защитнику не позднее, чем за 3 часа до подачи его следственному судье. Следственный судья обязан рассмотреть ходатайство в течение 2 часов с момента поступления его в суд.

Мерами пресечения в уголовном процессе Республики Кыргызстан являются подписка о невыезде, передача лица под наблюдение командования воинской части, передача несовершеннолетнего под присмотр родителей или лиц и организаций, их заменяющих, залог, домашний арест и заключение под стражу.

Рассмотрим подробнее самую строгую меру пресечения. Заключение под стражу, по общему правилу, может быть применено к обвиняемому в совершении такого преступления, за которое Уголовным кодексом предусмотрено в качестве наказания лишение свободы на срок свыше 5 лет, а менее строгая мера пресечения не будет эффективна. В исключительных случаях (когда лицо не имеет постоянного места жительства, либо его личность не установлена, или им нарушена другая, примененная к нему мера пресечения, либо лицо скрылось от органов уголовного преследования или суда) заключение под стражу может быть избрано в отношении обвиняемых в совершении преступления, за которое уголовным кодексом предусмотрено лишение свободы на срок до 5 лет.

Срок меры пресечения составляет 2 месяца, по истечении которого он может быть продлен следственным судьей по ходатайству прокурора еще на 2 месяца. Но при этом не допускается продление срока меры пресечения свыше 1 года. По истечении одного года мера пресечения отменяется, а заключенное под стражу лицо освобождается, о чем уведомляется прокурор. Для продления срока меры пресечения не позднее, чем за 5 суток до истечения срока меры пресечения следственному судье должно поступить ходатайство о продлении срока меры пресечения, оформленное постановлением прокурора. Следственный судья должен рассмотреть такое ходатайство не позднее 3 суток со дня его получения и принять решение об удовлетворении ходатайства и продлении срока меры пресечения или в отказе в удовлетворении.

Иные меры обеспечения уголовного судопроизводства применяются с целью обеспечения надлежащего поведения в процессе и могут быть избраны в отношении подозреваемых или обвиняемых, подсудимых, кроме того, некоторые меры могут быть применены к потерпевшим, свидетелям и другим лицам, участвующим в уголовном процессе.

К таким мерам относятся обязательство о явке, привод, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество. Особый интерес вызывает такая мера обеспечения уголовного судопроизводства, как запрет на приближение, не известная российскому уголовному процессу.

Запрет направлен на защиту потерпевшего и других лиц и ограничивает подозреваемого в возможностях встречаться с ними. Основание такой меры – постановление судьи, следователя, уполномоченного должностного лица органа дознания, принимаемое в результате рассмотрения заявления лица, подлежащего защите. В заявлении указываются имеющиеся основания применения запрета на приближение и его виды, а также контролирующий эту меру орган. Видами запрета, согласно УПК, являются: запрет разыскивать защищаемое лицо, преследовать или посещать его, а также вести устные

либо телефонные переговоры, либо иными способами предпринимать попытки общения, а также приближаться на расстояние менее 10 метров либо посещать определенные места.

В случае нарушения лицом запрета на приближение к нему может быть применена мера пресечения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Василенко А. С. Стадии уголовного процесса Кыргызской Республики // Ученые труды российской академии адвокатуры и нотариата. 2016. № 2. С. 53-57
2. Василенко А. С. Институт медиации в уголовном процессе зарубежных стран // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2010. № 5 (13). С. 280-283.

REFERENCES

1. Vasilenko A.S. Stages of the criminal process of the Kyrgyz Republic // Scientific works of the Russian Academy of Bar and Notary. 2016. No. 2. P. 53-57
2. Vasilenko A.S. Institute of mediation in the criminal process of foreign countries // Bulletin of the Oryol State University. Series: New Humanitarian Research. 2010. No. 5 (13). P. 280-283.

Дружинин Станислав Владимирович
соискатель, Российский университет дружбы народов
Москва, Россия
e-mail: ugolovnoe_pravo@list.ru

Проблемы установления и выбора наказания за преступления, совершаемые в сфере экономической деятельности

Компаративный, ретроспективный и иные виды юридического анализа позволяют сделать вывод о явной недооцененности той общественной опасности, которая содержится в экономических преступлениях. В работе представлены предложения по совершенствованию уголовного законодательства России и практики его применения в части выбора мер уголовной ответственности, соразмерной вредоносности преступлению в сфере экономической деятельности.

Ключевые слова: общественная опасность, уголовное наказание, преступление в сфере экономической деятельности, санкция уголовно-правовой нормы.

Druzhinin Stanislav Vladimirovich
applicant, Peoples' friendship University of Russia.
(RUDN UNIVERSITY)
Moscow, Russia
e-mail: ugolovnoe_pravo@list.ru

Problems of establishing and choosing punishment for crimes committed in the sphere of economic activity

Comparative, retrospective and other types of legal analysis allow us to conclude that the social danger contained in economic crimes is clearly undervalued. The paper presents proposals for the improvement of the criminal legislation of Russia and the practice of its application in terms of the choice of criminal liability measures commensurate with the harmfulness of a crime in the sphere of economic activity.

Keywords: public danger, criminal punishment, crime in the sphere of economic activity, sanction of the criminal law norm.

Сфера экономической деятельности хозяйствующих субъектов включает в себя такие области (отношения), как свободная конкуренция, налогообложение, кредитование, инвестирование и т.п. По этой причине группа преступлений, предусмотренных главой 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), является самой многочисленной в сравнении с иными группами уголовно-наказуемых деяний.

Большинство рассматриваемых преступлений (их основные составы) относятся к категориям небольшой и средней тяжести. Представляется, что данное обстоятельство не в полной мере отражает характер общественной опасности рассматриваемых преступлений. Так, еще в начале XX века американские ученые-криминологи при изучении феномена «беловоротничковой» (экономической) преступности доказали, что руководитель корпорации, используя свой правовой статус, способен причинить преступный вред, который по степени общественной опасности несоизмерим с вредом, причиняемым в результате совершения корыстных и корыстно-насильственных посягательств против собственности: уличный преступник может украсть только кошелек с карманными деньгами, тогда как представитель «беловоротничковой» преступности совершает хищения предприятий и железных дорог [4].

Сопоставительный анализ норм глав 21 и 22 УК РФ свидетельствует об игнорировании законодателем в большинстве случаев высказанное в криминологии мнение о повышенной общественной опасности экономических преступлений, даже по сравнению с преступлениями против собственности. Последние как раз в большинстве случаев представлены деяниями, относимыми к категориям тяжких и особо тяжких уголовно-наказуемых деяний (глава 21 УК РФ). Данный факт в первую очередь обусловлен наличием дополнительного и факультативного объектов в некоторых составах перечисленных преступлений против собственности – отношения безопасности (неприкосновенности) жизни и здоровья личности (статьи 161, 162, 163 и проч.), а также наличием иных квалифицирующих признаков, существенным образом увеличивающих степень общественной опасности преступных посягательств против собственности: незаконное проникновение в жилище, использование служебного положения, совершение преступления организованной группой и т.д. Бесспорно, что посягательство на несколько объектов уголовно-правовой охраны повышает характер и степень общественной опасности, но в то же время относить, к примеру, неквалифицированные составы кражи (ущерб может составлять до 250 тыс. рублей) и уклонения от уплаты налогов с организации (ущерб от преступления может быть от 1,5 до 7,5 млн. рублей) к одной и той же категории преступлений навряд ли оправдано (санкции ч. 1 ст. 158 и ч. 1 ст. 199 УК РФ в качестве наиболее сурового вида наказания предусматривают лишение свободы сроком до двух лет).

Однако занижение в ряде случаев уровня общественной опасности преступлений в сфере экономической деятельности является не единственным препятствием для назначения справедливого наказания лицу, совершившему одно или несколько рассматриваемых уголовно-наказуемых деяний. Все

санкции норм Особенной части, предусматривающих наказание за совершение данных преступлений, являются альтернативными и относительно определенными (кумулятивными). Это предполагает возможность выбора в пределах санкции соответствующей нормы Особенной части и вида, и размера наказания, которые наиболее полно отражают характер и степень общественной опасности совершенного посягательства и личности преступника. Формально спектр видов наказаний, назначение которых возможно за совершение преступлений в сфере экономической деятельности, достаточно широк: от штрафа до лишения свободы на определенный срок.

Но на сегодняшний день практическое применение ряда наказаний, перечисленных в санкциях рассматриваемых норм Особенной части, невозможно по правовым (арест) или по организационным (обязательные и принудительные работы, ограничение свободы) причинам. Поэтому при назначении наказания суд в большинстве случаев вынужден выбирать между штрафом или лишением свободы на определенный срок.

В научной литературе высказываются мнения (хотя и далеко небесспорные) об увеличении применения наказания в виде штрафа за любые преступления как своеобразной альтернативы наказанию в виде лишения свободы. Кроме того, некоторые авторы, изучающие уголовно-правовые и криминологические проблемы выявления, предупреждения и пресечения преступлений в сфере экономической деятельности, полагают, что наиболее эффективный вариант борьбы с данным социально-негативным явлением видится в назначении наказания, не связанного с изоляцией от общества [1].

Своеобразна и практика назначения наказаний лицам, совершившим преступления в сфере экономической деятельности. Реализация правоохранительными органами России норм УК РФ, устанавливающих ответственность за совершение рассматриваемых преступлений, остается весьма незначительной. Из всех составов указанных преступлений наиболее апробированными практикой являются те, которые устанавливают уголовную ответственность за изготовление в целях сбыта и сбыт поддельных денег, ценных бумаг, а также безналичных средств платежа. Но даже признавая подсудимого виновным в их совершении, суд, как правило, избирает в качестве наказания только условное лишение свободы на срок, не превышающий три года [3]. Таким образом, осужденный не только не подвергается самому мягкому наказанию, но и вообще не несет каких-либо существенных лишений и правоограничений, которые должны иметь место в связи с совершением им уголовно-наказуемого деяния.

Итак, для выбора наказания, соответствующего характеру и степени общественной опасности преступления в сфере экономической деятельности, необходимо решить ряд законодательных и правоприменительных вопро-

сов. Во-первых, штраф как вид основного наказания не соответствует уровню общественной опасности любого экономического преступления. Уплата штрафа, максимальная сумма которого не может превышать одного миллиона рублей, является своеобразным откупом лица, который в результате совершения преступного посягательства причинил гораздо больший вред интересам общества и государства. По этой причине штраф как вид наказания в подавляющем большинстве санкций рассматриваемых норм Особенной части необходимо исключить.

Во-вторых, вышеуказанные альтернативные лишению свободы наказания необходимо или уже ввести в действие (создать нормальные условия для исполнения), или также исключить их из УК РФ по причине фактической бесполезности. Уголовная политика последних лет, к сожалению, свидетельствует о незаинтересованности государства в применении ряда наказаний, неизвестных советскому уголовному праву [2].

В-третьих, необходимо пересмотреть категории большинства экономических преступлений, прежде всего деяний, совершаемых в сфере обеспечения свободы конкуренции. Представляется, что большинство из них должно относиться к категориям тяжких и особо тяжких преступных посягательств, на совершение которых необходимо более суровое реагирование со стороны государства путем назначения реального, а не условного наказания, связанного с изоляцией от общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Астахова А. За экономические преступления – экономические наказания // Прямые инвестиции. 2013. № 7. С. 28–30.
2. Лапшин В.Ф. Управленческие и правовые аспекты российской политики противодействия экономическим преступлениям // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2016. № 5. С. 111–125.
3. Середа И.М. Некоторые вопросы совершенствования назначения и исполнения уголовного наказания за преступления против налоговой системы // Международный пенитенциарный журнал. 2016. № 1. С. 40–43.
4. Sutherland Ed.H. White-Collar Criminality // American Sociological Review. 1940. Vol. 5. № 1. P. 1–12.
5. Vysotskaya N.V. et al. Mathematical modelling of the dependence of foreign direct investments on the protection level of property rights / N.V. Vysotskaya, S.N. Sayfieva, I.V. Afanasyev, A.A. Dembitsky, G.N. Nikolaeva // International Journal of Simulation: Systems, Science and Technology (IJSSST). 2018.Volume 19, Issue:6, pp. 37.1-37.3.

REFERENCES

1. Astakhova A. For economic crimes – economic punishments / Direct investments. 2013. No. 7. P. 28–30.
2. Lapshin V.F. Management and legal aspects of the Russian policy of counteraction to economic crimes / Actual problems of criminal law at the present stage (questions of differentiation of responsibility and legislative technique). 2016. No. 5. P. 111–125.
3. Sereda I.M. Some issues of improving the appointment and execution of criminal punishment for crimes against the tax system // international penitentiary journal. 2016. No. 1. P. 40–43.
4. Sutherland Ed.H. White-Collar Criminality // American Sociological Review. 1940. Vol. 5. № 1. P. 1–12.
5. Vysotskaya N.V. et al. Mathematical modelling of the dependence of foreign direct investments on the protection level of property rights / N.V. Vysotskaya, S.N. Sayfieva, I.V. Afanasyev, A.A. Dembitsky, G.N. Nikolaeva // International Journal of Simulation: Systems, Science and Technology (IJSSST). 2018.Volume 19, Issue:6, pp. 37.1-37.3.

Клебанов Лев Романович
доктор юридических наук,
профессор Российского университета дружбы народов.
e-mail: ugolovnoe_pravo@list.ru

Трефилова Виолетта Владимировна
студентка 4 курса бакалавриата
Российского университета дружбы народов
Москва, Россия
e-mail: ugolovnoe_pravo@list.ru

О перспективах уголовной ответственности юридических лиц в российском законодательстве: некоторые аргументы «contra»

В статье рассматривается вопрос об уголовной ответственности юридических лиц в российском законодательстве. Анализируется ряд точек зрения. Делаются соответствующие выводы.

Ключевые слова: уголовная ответственность, юридические лица, уголовное законодательство, привлечение к уголовной ответственности.

Klebanov Lev Romanobich
Doctor of Law, Professor
of the Peoples' friendship University of Russia
e-mail: ugolovnoe_pravo@list.ru

Trefilova Violetta Vladimirovna
4th year student of bachelor's degree
of the Peoples' friendship University of Russia
(RUDN UNIVERSITY)
Moscow, Russia
e-mail: ugolovnoe_pravo@list.ru

Legislation of the Republic of Kazakhstan on countering international terrorism

The article deals with the issue of criminal liability of legal entities in the Russian legislation. Analyzed the poison points of view. Relevant conclusions are made.

Keywords: criminal liability, legal persons, criminal law, criminal prosecution.

Интернационализация уголовного права и интенсификация сотрудничества государств в сфере борьбы с преступностью ведет к появлению в национальном уголовном законодательстве норм и институтов, которые предусмотрены уголовными законами зарубежных стран. Иными словами, речь идет о совершенствовании отечественного уголовного права и уголовного законодательства и использованием зарубежного опыта. При этом следует подчеркнуть, что страны-«доноры» и страны-«реципиенты» могут отно-

ситься к разным уголовно-правовым семьям (например, романо-германской, англо-саксонской, социалистической).

Практика развития отечественного уголовного права свидетельствует о том, что такие заимствования имеют разную степень эффективности: какие-то «оправдали доверие», а какие-то – нет. В последние 20 с лишним лет между специалистами российского уголовного права (как учеными, так и практиками) ведутся оживленные споры о юридической возможности и фактической целесообразности включения в Уголовный кодекс страны института уголовной ответственности юридических лиц (организаций). Этот институт воспринят уголовными законами различных стран, опять же безотносительно их принадлежности, к той или иной уголовно-правовой семье (Австрия, Испания, Франция, Ирландия, Англия, США, Китай, Албания, Иордания, Грузия, Казахстан, Латвия). В России идею введения уголовной ответственности юридических лиц на законодательном уровне пытались воплотить несколько раз. В частности, «проводником» этой идеи в наши дни выступил Следственный комитет Российской Федерации – на сайте ведомства был опубликован соответствующий законопроект. Глава Следственного комитета А.И. Бастрыкин в публичных выступлениях всячески ратовал за включение этого института в отечественное уголовное законодательство. По мнению главного следователя страны, это будет способствовать борьбе с экономической преступностью и в частности репатриации незаконно выведенных за рубеж капиталов [1]. Институт уголовной ответственности юридических лиц предусмотрен и рядом конвенций о борьбе с теми или иными преступлениями: Конвенцией Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию, Конвенцией ООН против коррупции, Конвенцией о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных деловых операций, Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности, Конвенцией Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений.

Не вдаваясь в дискуссию о достоинствах и недостатках этого института вообще, хотелось бы высказать некоторые сомнения относительно криминологической обоснованности и целесообразности включения института уголовной ответственности юридических лиц в отечественное уголовное законодательство именно сегодня (на чем настаивает ряд российских криминалистов).

1. Совершенно очевидно, что утверждения о необходимости существования этого института в наших уголовно-правовых «широтах» не имеют прочного криминологического фундамента. Нет соответствующих криминологических экспертиз, которые позволили бы оценить благоприятные и неблагоприятные последствия этого решения. Нет заключений о целесообразнос-

ти введения этого института от специалистов в области гражданского, предпринимательского, корпоративного, трудового права. Судя по всему, высокопоставленные сторонники этого института вовсе не интересовались мнением предпринимательского сообщества, а ведь именно бизнес (его добросовестная часть) примет «первый удар» данного нововведения (или правило «лес рубят – щепки летят» остается непоколебимым?). Наивно было бы полагать, что искушенные экономические преступники не подстрахуются на этот случай заранее и не выведут все свои активы за рубеж, не спрячут имущество в офшорах, не «раскидают» похищенные финансовые средства на подставные счета и не оставят руководимое ими юридическое лицо, подлежащее уголовной ответственности, с «фигой в кармане».

2. Включение юридических лиц в круг субъектов уголовной ответственности, как отмечает Ю.А. Цветков, значительно увеличит нагрузку на следственные органы и вызовет необходимость существенного расширения их штатов и их денежного содержания, что в условиях непростой экономической ситуации в стране вряд ли будет одобрено большинством населения России, и без того испытывающим серьезные финансовые трудности. В свою очередь, расширение следственного аппарата, специально «заточенного» на расследование преступлений юридических лиц, повлечет и расширение бюрократии, что чревато соответствующими коррупционными рисками [2].

3. Появление этого института в российском уголовном законодательстве должно сопровождаться соответствующими дополнениями в уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство, поскольку процессуальная форма привлечения юридического лица к уголовной ответственности, признания его виновным (?!) в совершении преступления, назначения ему наказания и обращения обвинительного приговора к исполнению будет, видимо, иной, нежели в отношении лица физического. Готово ли российское уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное право к таким «кульбитам»? Вряд ли.

4. Привлечение юридических лиц к уголовной ответственности и назначение им соответствующих наказаний (мер уголовно-правового характера, среди которых, в частности, штраф, лишение права заниматься определенным видом деятельности, запрет на осуществление деятельности на территории Российской Федерации, принудительная ликвидация), несомненно, повлечет ухудшение положения трудовых коллективов этих организаций, которые в большинстве своем, может быть, вообще непричастны к преступной деятельности топ-менеджмента юридических лиц, признанных виновными в совершении преступлений. Это грозит совершенно непричастным к совершению преступлений людям потерей работы, потерей и задержками заработной платы, ликвидацией или секвестрованием так называемого со-

циального пакета работника, серьезным ухудшением условий жизни членов их семей и т.д. Что на это скажут апологеты уголовной ответственности организаций? Как быть с соблюдением трудовых прав граждан, гарантированных Конституцией Российской Федерации?

5. Согласно законопроекту Следственного комитета, «меры уголовно-правового характера за причастность к преступлению подлежат применению в отношении организаций, обладающих в соответствии законодательством Российской Федерации статусом юридического лица, за исключением органов государственной власти и органов местного самоуправления». Однако, если обратиться к соответствующему законодательству, нетрудно заметить, что юридических лиц, исходя из их организационно-правовой формы, довольно много. Означает ли вышесказанное, что такие юридические лица, как государственные корпорации, государственные компании, государственные и муниципальные унитарные предприятия, акционерные общества, контрольный пакет акций которых принадлежит государству, будут подлежать уголовной ответственности на общих основаниях? А если да, то как это может отразиться на состоянии экономики России вообще и на экономической безопасности, в частности? Не будет ли этот институт широко использоваться как средство недобросовестной конкуренции, орудие «отжима» бизнеса, последнего довода в «спорах хозяйствующих субъектов» и т.д.?

Только ответив на эти (и другие) вопросы, можно вести предметный разговор о «инфильтрации» института ответственности юридических лиц в современное российское уголовное законодательство.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бастрыкин А.И. Модернизация уголовной политики в сфере экономики: первые итоги реформы и дальнейшие шаги по ее реализации // Преступность и уголовная политики России. Пятые Кудрявцевские Чтения. Сб. научных трудов. Научн. ред. С.В. Максимов. М.: ИГП РАН. 2013. С. 8.
2. Цветков Ю.А. Очерк 7. Проблемы применения института соучастия. 7.6. Проблема уголовной ответственности организаций // Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сборник очерков / Под ред. В.В. Лунеева. М.: Издательство Юрайт. 2010. С. 276.

REFERENCES

1. Bastrykin A.I. Modernization of criminal policy in the sphere of economy: the first results of the reform and further steps for its implementation // Crime and criminal policy of Russia. Fifth Kudryavtsev Reading. Sat. scientific papers. Scientific. ed. S.V. Maksimov. M.: Institute of state and law Russian Academy of Sciences. 2013. P. 8.

2. Tsvetkov Yu.A. Ocherk 7. Problems of application of the Institute of complicity. 7.6. The problem of criminal liability of organizations // Criminal law. Actual problems of theory and practice: a collection of essays / ed. by V.V. Luneev. M.: Yurayt Publishing House. 2010. P. 276.

Кутуев Адам Русланович
аспирант
Российского университета дружбы народов
Москва, Россия
e-mail: aspirantura@rudn.ru

Французский опыт противодействия организации, распространению и применению субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте

Статья посвящена зарубежному опыту борьбы с незаконном оборотом субстанций, запрещенных для использования в спорте, на примере Франции. Сегодня проблема допинга в спорте вышла на абсолютно новый уровень, за последнее время за применение запрещенных препаратов и методов в спорте было дисквалифицировано значительное количество спортсменов во всем мире. В связи с этим рассматривается опыт французского законодательства по противодействию организации, распространению и применению субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, который, несомненно, будет полезен и для российского законодателя, и для правоприменителя.

Ключевые слова: уголовная ответственность, административная ответственность, допинг, французское законодательство, спортивный кодекс Франции, использование веществ, хранение веществ, приобретение веществ.

Kutuev Adam Ruslanovich
a graduate student
of the Peoplesr friendship university of Russia
(RUDN UNIVERSITY)
Moscow, Russia
e-mail: aspirantura@rudn.ru

French experience in countering the organization, distribution and use of substances and (or) methods prohibited for use in sports

The article is devoted to foreign experience in dealing with the inhibition, distribution and use of substances and (or) methods that are prohibited for use in sports as exemplified by France. The relevance of the topic under consideration is due to the fact that in recent years the problem of doping in sport has reached a completely new level. Recently, more than 200 Russian athletes have been disqualified for using banned drugs and methods in sports. As a result, accusations were sent to Russia for state support of the doping system. One of the main measures that will allow Russia to prove its commitment to «pure sport» should be to

establish criminal responsibility for the commission of certain actions related to the incitement, distribution and use of substances and (or) methods prohibited for use in sports. Research into the problems of countering doping with criminal law means in order to model the development of Russian criminal legislation in the field of countering the organization, distribution and use of substances and / or methods prohibited for use in sports would be incomplete without studying foreign experience in this field. In this regard, the experience of the French legislation to counter the organization, distribution and use of substances and (or) methods prohibited for use in sports is considered.

Keywords: criminal liability, administrative responsibility, doping, French law, administrative punishment, sports code of France, the use of substances, storage of substances, the acquisition of substances.

Практика уголовной ответственности за правонарушения в сфере допинга не является абсолютной, однако соответствующие уголовно-правовые нормы существуют только в ряде зарубежных стран. В рамках настоящей статьи подробно рассмотрим несколько наиболее характерных законодательных решений в сфере противодействия склонению, распространению и применению субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте. Такой опыт может быть полезен при дальнейшем моделировании путей развития российского уголовного законодательства в рассматриваемой области.

Одним из европейских государств, в котором предусмотрена уголовная ответственность за преступления, связанные с допингом, является Франция. Согласно законодательству Франции, «оборот допинг-продуктов предусматривает уголовную и дисциплинарную ответственность, в то время как употребление допинга наказывается только дисциплинарно. Спортивный кодекс устанавливает запрещенное поведение, которое является наказуемым по закону, и то, что наказывается в административном порядке. Санкции, вводимые спортивными федерациями, имеют характер административных актов, речь идет об административном наказании за допинг. Эти санкции могут быть обжалованы в административном суде. Если преступление карается как уголовное и дисциплинарное, две процедуры могут проходить параллельно» [1].

Систематизированная ответственность за деликты, связанные с допингом, предусмотрена в Законе Французской Республики (далее – Закон) от 3 июля 2008 года «О борьбе с допингом» [2].

Согласно данному закону и Спортивному кодексу Франции (далее – Кодекс), запрещается любому спортсмену, принимающему участие в спортивных соревнованиях, организованных или уполномоченных в соответствии с Кодексом, или готовящемуся к участию в таких соревнованиях:

1. Применять без надлежащим образом обоснованной медицинской причины вещества или методы, которые в соответствии с Приложением 1 к Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте, которая была принята в Париже 19 октября 2005 года.

Запреты не применяются к веществам и методам, в отношении которых имеется разрешение на использование их в терапевтических целях.

Нарушение данных запретов, согласно французскому законодательству, наказывается лишением свободы сроком на один год и штрафом в размере 3750 евро.

2. Запрещается любому человеку: предписывать, назначать, предоставлять, вводить в организм или применить к спортсмену, участвующему в соревнованиях и мероприятиях, упомянутых выше, или готовящемуся к участию, одно или несколько веществ или методов, упомянутых в настоящей статье, или облегчать их использование и поощрять их использование;

3. Запрещаются производство, импорт, экспорт, транспортировка, хранение или приобретение для использования спортсменом без надлежащим образом обоснованной медицинской причины веществ или методов по списку запрещенных веществ и методов в спорте. Также запрещается воспрепятствование процедуре допинг-контроля.

Нарушение запретов, отмеченных нами в п. 1, 2 и 3, карается пятью годами лишения свободы и штрафом в размере 75 тыс. евро.

Наказания увеличиваются до семи лет лишения свободы и до 150 тыс. евро штрафа, когда действия совершаются организованной группой (по смыслу ст. 132-71 Уголовного кодекса Франции) или когда они совершаются в отношении несовершеннолетнего или лица, имеющего контроль над одним или несколькими видами спорта.

Использование или хранение веществ или методов, упомянутых в списке, не влечет за собой дисциплинарные меры или уголовные санкции, если такое использование или владение было разрешено для использования в терапии французским агентством по борьбе с допингом после согласия комитета врачей.

Резюмируя, следует заметить, что особенности уголовной ответственности за преступления и правонарушения, связанные с допингом, согласно французскому законодательству, характеризуются следующим.

1. Согласно французскому законодательству, за деликты, связанные с допингом, возможно наступление как административной, так и уголовной ответственности. При этом французский законодатель дифференцирует общественную опасность приема запрещенных препаратов и методов в спорте и действия, связанные с оборотом таких средств. За первые деяния установлена административная ответственность; за вторые – уголовная.

2. Есть специальное указание на то, что такие деяния могут быть совершены только в рамках организованных спортивных соревнований. Таким образом, также ограничивается ответственность за деликты, связанные с допингом, сферой профессионального спорта.

3. Следует отметить, что французский законодатель не ограничивает перечень потенциальных субъектов ответственности за деяния, связанные с допингом.

4. Как деяния с большей степенью общественной опасности рассматриваются преступления, связанные с допингом, совершенные организованной группой; чиновниками, осуществляющими управление в спортивных федерациях; в отношении несовершеннолетних.

Таким образом, положительный опыт Франции целесообразно использовать и при изучении проблем допинга в России, и при формулировании эффективных мер противодействия допингу в спорте.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Папаниколау Д. Борьба с допингом во Франции // Спорт: экономика, право, управление. 2011. № 4.
2. LOI n° 2008-650 du 3 juillet 2008 relative ? la lutte contre le trafic de produits dopants [Электронный ресурс] // URL: // https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000019117516

REFERENCES

1. Papanikolaou D., The Fight against doping in France // Sports: Economics, law, management. 2011. No. 4.
2. LOI n° 2008-650 du 3 juillet 2008 relative a la lutte contre le trafic de produits dopants [Electronic resource] // URL: // https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000019117516

Лапшин Валерий Федорович
доктор юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного права
Академии права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний,
Москва, Россия
e-mail: academy@apu.fsin.su

Об уместности использования в нормах о должностных преступлениях институтов административного законодательства

Настоящая работа представляет собой оценку целесообразности введения в уголовный закон категории уголовного проступка, представляющей собой описание юридически значимых признаков деяния, не обладающего высокой общественной опасностью, характерной для преступления. На основании анализа предложений, высказанных в научной литературе, а также имеющейся практики уголовного законотворчества в некоторых странах СНГ, формулируется вывод о нецелесообразности осуществления дифференциации уголовной ответственности в этой части, в том числе и при модернизации составов должностных (коррупционных) преступлений. Настоящая работа выполнена при финансовой поддержке администрации города Ханты-Мансийска, оказанной в соответствии с договорами от 13 июля 2018 года № 05.5/18-ЮГУ-109; от 13 июля 2018 года № 05.5/18-ЮГУ-110.

Ключевые слова: преступление, общественная опасность, уголовное правонарушение, категория преступления, дифференциация уголовной ответственности, коррупция.

Lapshin Valery Fedorovich
Doctor of Law, associate Professor,
head of the Department of criminal law
of the Academy of law and management
of the Federal penitentiary service,
Moscow, Russia
e-mail: academy@apu.fsin.su

On the appropriateness of using in the normes on malfeasance of institutions of administrative legislation

This work is an assessment of the feasibility of introducing into the criminal law the category of criminal misconduct, which is a description of legally significant indications of an act that does not have the high public danger characteristic of a crime. Based on the analysis of the proposals made in the scientific literature, as well as the existing practice of criminal lawmaking in some CIS countries, a conclusion is formulated about the inexpediency of differentiating criminal re-

sponsibility in this part, including the modernization of the composition of official (corruption) crimes.

Keywords: crime, public danger, criminal offense, category of crime, differentiation of criminal responsibility, corruption.

Начиная с 1997 года, действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) претерпел значительное количество изменений, а равно был дополнен значительным количеством норм. В отдельных случаях уголовное законодательство дополнялось новеллами, необходимыми для защиты новых общественных отношений; некоторые федеральные законы фактически представляли собой «работу над ошибками», ранее совершенными законодателем; но имели место и такие новшества, которые не соответствовали (противоречили) содержанию основополагающих институтов Общей части. Указанный срок действия является весьма непродолжительным для УК РФ, поскольку сама сущность уголовного законодательства характеризуется высокой степенью традиционности и консервативности. Вот почему высокая частота изменений и дополнений может свидетельствовать только об отсутствии ясного представления о том, каким именно должен быть уголовный закон как средство проведения в жизнь государственной уголовной политики. В настоящее же время количество изменений уголовного закона столь велико, что уже стали озвучиваться официальные заявления о необходимости разработки проекта нового УК РФ [3].

В принципе нет ничего опасного в том, что отдельные уголовно-правовые институты или их совокупность являются предметом научного изучения и осмысления. Предложения по совершенствованию уголовного законодательства, формулируемые в научной литературе, в конечном счете формируют нормативную базу, посредством которой государство предупреждает и (или) снимает общественные проблемы и противоречия. Но когда законодательные предписания меняются без наличия достаточных к тому оснований, а нормы-новеллы оказываются содержательно несогласованными с другими положениями действующего закона и с общими представлениями правоприменителя о содержании реформируемого института права. При таких условиях возникает явная угроза бессистемного толкования и реализации требований закона. Это особенно опасно в случаях применения уголовно-правовых предписаний, поскольку ошибки, заложенные на законодательном уровне, способны привести к существенному нарушению прав и законных интересов всех участников уголовных правоотношений: и преступника, и потерпевшего. Поэтому особенной тщательности проработки и обоснования требует решение вопроса о корректировке содержания правовых институтов, положенных в основу уголовного законодательства.

Вот уже на протяжении 8–10 лет в научном сообществе обсуждаются вопросы о необходимости комплексной переработки значительного количества уголовно-правовых институтов [1]. Отчасти они уже нашли свое отражение преимущественно в нормах Особенной части УК РФ: множественность, соучастие, освобождение от уголовной ответственности и др., хотя вопрос об их согласованности с базовыми уголовно-правовыми предписаниями остается открытым. В настоящее время следует обратить внимание на административную преюдицию, которая предусматривалась советским уголовным законом, но не получила места в УК РФ на момент его принятия.

В действующем законодательстве административная преюдиция уже присутствует в таких нормах, как: ст. 1161, 1511, 157, 1581, 2121, 2154, 2641, 2841, ч. 2 ст. 3141 УК РФ, однако не совсем понятен принцип выбора законодателем тех составов преступлений, обязательным признаком которых стал факт предшествующего привлечения лица к административной ответственности. В целом я разделяю точку зрения Н.Ф. Кузнецовой, Н.А. Лопашенко, И.В. Шишко, Б.В. Яцеленко и иных ученых – противников административной преюдиции в уголовном законодательстве. Действительно, совершенное в очередной раз административно наказуемое деяние не переводит его в категорию преступления, хотя общественная опасность личности правонарушителя и недостаточность применения к нему мер административной ответственности очевидны [2].

Думается, что административная преюдиция в исключительных случаях допустима в уголовно-правовых нормах, устанавливающих уголовную ответственность за некоторые преступления, которые характеризуются совокупностью следующих признаков: а) содержание категорий, предусмотренных диспозицией соответствующей статьи Особенной части УК РФ, раскрывается в нормативных актах иной отрасли (иных отраслей) российской системы права; б) общественно опасное деяние представляет собой некое множество последовательно выполняемых действий (деятельность) и (или) сочетающее в себе как действия, так и бездействие; в) для привлечения лица к уголовной ответственности необходимо установить наличие прямого умысла на совершение общественно опасного деяния и при необходимости – на наступление общественно опасных последствий.

В части характеристики вины в виде прямого умысла следует учитывать, что лицо должно хорошо разбираться в особенностях правовой регламентации осуществляемой им деятельности, знать законодательно установленные правила, нарушение которых является составной частью общественно опасного деяния, и иметь хотя бы общие представления о возможных последствиях совершения общественно опасного деяния.

Примером таких преступлений, в составах которых целесообразно предусмотреть административную преюдицию, являются, в частности, общественно опасные деяния в виде уклонения от уплаты налогов и иных обязательных платежей: ст. 194, 198–1991 УК РФ. Выявление факта совершения уклонения от уплаты налогов и (или) сборов, невыполнения обязанностей налогового агента является достаточно сложным и трудозатратным процессом. Но даже в случае установления факта уклонения от уплаты обязательных платежей и причинения государственной бюджетной системе материального ущерба, доказать прямой умысел на совершение данного деяния крайне сложно. Индивидуальный предприниматель и тем более руководитель организации всегда будут ссылаться на отсутствие у них достаточных знаний в области налогового законодательства, на непрофессионализм своих подчиненных – главного бухгалтера, финансового директора и др., а также на ряд иных причин, не позволивших должным образом осознать сущность и затем выполнить обязанности налогоплательщика (плательщика сборов).

На основании приведенных аргументов можно констатировать существенную практическую пользу введения административной преюдиции в некоторые составы экономических, экологических и иных преступлений, совершение которых возможно в процессе осуществления достаточно специфической профессиональной деятельности. Однако данный случай может рассматриваться не иначе как исключение из общего правила о недопустимости использования институтов административного законодательства в качестве средства дифференциации уголовной ответственности. И в этой части следует обратить особое внимание на имеющиеся в новейшей научной литературе предложения о включении в действующий уголовный закон дополнительных норм, которые предусматривали бы новые виды так называемых коррупционных преступлений [4].

Предложения указанных авторов определяются современной антикоррупционной политикой. На этой основе и включаются в УК РФ дополнительные нормы о деяниях, посягающих на интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Однако подобный экстенсивный путь никогда не был продуктивен в решении проблемы противодействия коррупционной преступности, как и преступности в целом. Совершение должностного правонарушения по неосторожности не выводит его за пределы дисциплинарного проступка, не говоря уже о достижении уровня общественной опасности, характерной для преступления даже небольшой тяжести. То же самое можно сказать и в части установления уголовных проступков, в том числе коррупционного характера.

В целом аргументация необходимости включения в УК РФ категории «уголовный проступок» оставляет желать лучшего, на что также уже обращалось внимание многими исследователями данной проблематики. Включение в УК РФ категории «уголовный проступок» существенно снизит авторитет уголовного права как отрасли, нормы которой обеспечивают охрану наиболее важных и значимых общественных отношений. Судя по мерам реагирования, проступок будет иметь гораздо большее сходство не с преступлением, а с административным правонарушением. Установление проступка в УК РФ позволит включать в уголовное законодательство (помимо уже имеющихся) виды правонарушений, явно не обладающих достаточной общественной опасностью. Это приведет к увеличению объема уголовного закона с одновременным размытием границы между уголовным и административным деянием.

Таким образом, более перспективным и с научной, и с практической точки зрения является решение, связанное не с «узакониванием» места административных правонарушений в УК РФ, а, наоборот, исключение большинства уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления небольшой и средней тяжести, путем их перевода в содержание норм административного законодательства. В части же должностных преступлений следует пересмотреть некоторые положения уже действующих норм гл. 30 УК РФ с целью повышения качества техники их построения, а не пытаться формулировать новые виды преступлений, общественная опасность которых крайне сомнительна.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Букалерова Л.А. Экономические отношения и международная преступность: уголовно-правовые и криминологические аспекты // Человек: преступление и наказание. 2016. № 1. С. 65–66.
2. Букалерова Л.А., Теплова Д.О. Противодействие мошенничеству уголовно-правовыми и административно-правовыми средствами // Административное и муниципальное право. 2015. № 1. С. 56–57.
3. Лопашенко Н.А. О проекте нового УК РФ (в порядке инициирования дискуссии) // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 4. С. 7.
4. Мелихов С.Ю. Халатное отношение к служебным обязанностям лиц, выполняющих управленческие функции в организациях: актуальность проблемы и перспективы исследования // Проблемы теории уголовного наказания и его применения: Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции / Под ред. В.А. Уткина. Томск, 2009. С. 80–81.

REFERENCES

1. Bukalerova L.A. Economic relations and international crime: criminal law and criminological aspects // Man: crime and punishment. 2016. No. 1. P. 65–66.
2. Bukalerova L.A., Teplova D.O. Counteraction to fraud by means of criminal law and administrative law // Administrative and municipal law. 2015. No. 1. P. 56–57.
3. Lopashenko N.A. On the draft of the new criminal code (in order to initiate discussion) // Library of criminal law and criminology. 2016. No. 4. P. 7.
4. Melikhov S.Y. Negligent attitude to official duties of persons performing managerial functions in organizations: relevance, problems and prospects of research // Problems of the theory of criminal punishment and its application: proceedings of the interregional scientific-practical conference / Under the editorship of V.A. Utkin. Tomsk, 2009. P. 80–81.

Муркштис Мариус Йокубович
кандидат юридических наук,
докторант Российского университета дружбы народов
Москва, Россия
e-mail: ugolovnoe_pravo@list.ru

К вопросу о специальных криминологических мерах противодействия незаконному обороту оружия

Потребности правового регулирования общественных отношений в сфере оборота оружия с учетом многообразия их форм и различий в статусах вовлеченных в такой оборот лиц, определяют необходимость специальных криминологических мер противодействия незаконному обороту оружия. Данную деятельность следует рассматривать как многоуровневую, многосубъектную, многоцелевую систему согласованных мероприятий, которая направлена не только на пресечение и раскрытие преступлений в сфере незаконного оборота оружия, но и на нейтрализацию и устранение различных факторов, которые обусловливают их совершение.

Ключевые слова: оружие, оборот, лицензирование, преступление, противодействие.

Marksthis Marius Yokubovich
candidate of legal Sciences, doctoral student
of the Peoplesr friendship university of Russia.
Moscow, Russia
e-mail: ugolovnoe_pravo@list.ru

The special criminological measures to counter illicit arms trafficking

The needs of legal regulation of social relations in the field of arms trafficking, taking into account the diversity of their forms and differences in the status of persons involved in such a turnover, determine the need for special criminological measures to counteract illicit arms trafficking. This activity should be considered as a multi-level, multi-subject, multi-purpose system of coordinated measures, which is aimed not only at preventing and uncovering crimes in the sphere of illicit arms trafficking, but also at neutralizing and eliminating the various factors that cause their commission.

Keywords: weapons, trafficking, licensing, crime, counteraction.

В комплексе специальных мер, направленных на устранение причин и условий, способствующих незаконному обороту оружия, в теории криминологии выделяют два направления противодействия: 1) оптимизация правового режима оборота оружия, исключающего его использование в крими-

нальных целях; 2) совершенствование деятельности правоохранительных органов по сокращению незаконного оборота оружия [1].

Отметим, что законодателем нормы уголовного и административного законодательства в области оборота оружия продолжают совершенствоваться.

Существенное значение в предупреждении рассматриваемых преступлений имеет четкая, правильная, отвечающая реалиям современного общества регламентация норм, устанавливающих ответственность за незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств.

Кроме того, как справедливо отмечается в научной литературе, «в современных условиях важнейшим правовым средством борьбы с незаконным оборотом оружия выступает применение к виновному уголовного наказания» [2]. Любое наказание должно быть законным, обоснованным материалами уголовного дела, справедливым и свидетельствовать о неотвратимости ответственности за совершенное преступление. Наказание является естественным последствием совершенного преступления и должно соответствовать тяжести преступления и его общественной опасности.

В последние годы изменения вносились и в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). В частности, ст. 20.8 КоАП РФ дополнена двумя новыми составами, а именно: ч. 4.1 «Ношение огнестрельного оружия лицом, находящимся в состоянии опьянения» и ч. 4.2 «Невыполнение лицом, осуществляющим ношение огнестрельного оружия, законного требования сотрудника полиции о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения». Кроме того, в законе изменена процедура прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения для лиц, находящихся с оружием в состоянии опьянения.

Важное значение в предупреждении незаконного оборота оружия имеет действие Федерального закона от 13 декабря 1996 года № 150-ФЗ «Об оружии», который регулирует правоотношения, возникающие при обороте гражданского, служебного, а также боевого ручного стрелкового и холодного оружия на территории Российской Федерации, направлен на защиту жизни и здоровья граждан, собственности, обеспечение общественной безопасности, охрану природы и природных ресурсов, обеспечение развития связанных с использованием спортивного оружия видов спорта, укрепление международного сотрудничества в борьбе с преступностью и незаконным распространением оружия. Положения закона распространяются также на оборот боеприпасов и патронов к оружию.

За период действия Федерального закона «Об оружии» в него неоднократно вносились изменения и дополнения. Только за 2016 год в закон внесены поправки четыре раза. Это свидетельствует о нестабильности закона и в

тоже время о стремлении законодателя его совершенствовать. Как подчеркивают Н.В. Субанова и Е.Д. Шелковникова, только «на современном этапе правовое регулирование разрешительной системы оборота оружия впервые приобрело законодательное оформление, соответствующее основным международно-правовым стандартам» [3].

Существенное значение в регулировании оборота оружия имеет постановление Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 года № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» (в ред. от 17 мая 2017 года).

Специально-криминологическое предупреждение преступности в России осуществляется системой специализированных государственных органов: Советом Безопасности Российской Федерации, органами прокуратуры, судами, органами внутренних дел, органам Федеральной службы безопасности, таможенными органами и др.

Субъекты предупреждения незаконного оборота оружия различны по своему правовому положению и назначению, однако элементом, объединяющим их в единую систему, является объект воздействия – преступления в сфере незаконного оборота оружия [4].

Среди субъектов специального предупреждения незаконного оборота оружия в настоящее время ведущая роль принадлежит органам внутренних дел и войскам национальной гвардии.

До 2016 года лицензионно-разрешительная система находилась ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации, с 2016 года федеральный государственный контроль за соблюдением законодательства Российской Федерации в области оборота оружия возложен на войска национальной гвардии.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 30 сентября 2016 года № 510 «О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации» Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, в сфере оборота оружия, в сфере частной охранной деятельности и в сфере вневедомственной охраны.

В соответствии с указом одной из основных задач Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации является осуществление федерального государственного контроля: за оборотом гражданского, служебного и наградного оружия, боеприпасов к оружию, сохранностью и

техническим состоянием боевого ручного стрелкового и служебного оружия, находящегося во временном пользовании у граждан и организаций.

В соответствии со ст. 9 Федерального закона от 3 июля 2016 года № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» к полномочиям войск национальной гвардии в части контроля за оборотом оружия относятся: выдача гражданам и организациям при наличии оснований, предусмотренных федеральным законом, лицензии на приобретение гражданского и служебного оружия; лицензии на осуществление деятельности по торговле оружием, основными частями огнестрельного оружия и патронами к нему; лицензии на экспонирование и (или) коллекционирование оружия, основных частей огнестрельного оружия и патронов к нему; разрешение на хранение или хранение и ношение гражданского и служебного оружия, на хранение и ношение наградного оружия, на транспортирование, ввоз на территорию Российской Федерации вывоз с территории Российской Федерации указанного оружия и патронов к нему; разрешения на хранение и использование или хранение и ношение отдельных типов и моделей боевого ручного и стрелкового оружия, полученного во временное пользование в соответствии с федеральным законом; вести учет оружия и патронов к нему (п. 15); контролировать оборот гражданского, служебного и наградного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, сохранность, техническое состояние боевого ручного стрелкового и служебного оружия, находящегося во временном пользовании у граждан и организаций, а также соблюдение гражданами и организациями законодательства Российской Федерации в области оборота оружием (п. 16); производить контрольный отстрел оружия с нарезным стволом (п. 17).

Деятельность лицензионно-разрешительных подразделений Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации до принятия соответствующих ведомственных актов регулируется ведомственными актами МВД России в сфере контроля за оборотом оружия.

Вместе с тем МВД России также участвует в мероприятиях по контролю за оборотом оружия (п. 11 Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации).

При этом отметим, что среди субъектов специального предупреждения преступности, в том числе незаконного оборота оружия, ведущая роль принадлежит органам внутренних дел. Их роль в борьбе с преступностью определяется широким спектром полномочий, компетенцией, реальными возможностями по осуществлению оперативно-розыскной, административно-юрисдикционной, уголовно-процессуальными видами деятельности по предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений. К компетенции органов внутренних дел относится борьба с наиболее рас-

пространенными видами преступлений, составляющими до 90 процентов объема преступности [5].

Большая часть оборота оружия – производство, экспорт, импорт – контролируется Министерством обороны Российской Федерации, Федеральной таможенной службой Российской Федерации, Федеральной службой безопасности Российской Федерации, АО «Рособоронэкспорт», другими ведомствами.

Кроме того, лицензирование разработки, производства, испытания, ремонта и утилизации гражданского и служебного оружия и основных частей огнестрельного оружия осуществляется Министерством промышленности и торговли Российской Федерации в соответствии с законодательством о лицензировании отдельных видов деятельности.

Объем и характер компетенции данных субъектов определяются содержанием реализуемого ими вида разрешительной деятельности. Самые общие для этой категории субъектов разрешительной системы обязанности обеспечивают, с одной стороны, достижение цели функционирования разрешительной системы (безопасность личности, общества и государства), а с другой – соблюдение прав заявителей, обращающихся к властным субъектам разрешительной системы в рамках предоставления государственных и муниципальных услуг [3].

В целях предупреждения преступлений в сфере незаконного оборота оружия органы внутренних дел, а также подразделения войск национальной гвардии Российской Федерации обязаны тщательно проверять лиц, которым выдается разрешение на приобретение и хранение огнестрельного оружия. Сотрудники полиции, осуществляя профилактические мероприятия в жилом секторе, обязаны выявлять и ставить на учет лиц, высказывающих угрозы убийством, злостных нарушителей общественного порядка, злоупотребляющих алкоголем, психических больных. Важную роль в предупреждении правонарушений и предотвращении несчастных случаев играют проводимые сотрудниками органов внутренних дел, а также подразделений войск национальной гвардии Российской Федерации бесед о порядке его хранения и использования, об ответственности за нарушение этого порядка[6].

Несмотря на положительные тенденции в деятельности органов внутренних дел и подразделений войск национальной гвардии Российской Федерации в противодействии незаконному обороту оружия, важен оптимальный подход в совершенствовании такой деятельности. Как справедливо отмечает Л.А. Баранова, «необходим мониторинг всей области оборота оружия, внесение своевременных законодательных инициатив по ключевым вопросам оборота» [6].

Взаимодействие субъектов противодействия незаконному обороту оружия следует рассматривать как многоуровневую, многосубъектную, многоцелевую систему согласованных мероприятий, которая направлена не только на пресечение и раскрытие преступлений в сфере незаконного оборота оружия, но и на нейтрализацию и устранение различных факторов, которые обусловливают их совершение.

Следует выделить формы взаимодействия правоохранительных органов, являющиеся актуальными в современный период при противодействии незаконному обороту оружия: взаимный обмен криминологической информацией; совместное планирование предупредительных мероприятий; проведение совместных совещаний; взаимное консультирование по возникающим в процессе взаимодействия вопросам; совместная практическая деятельность при выявлении, пресечении, раскрытии преступлений в сфере незаконного оборота оружия.

Деятельность по противодействию незаконному обороту оружия должна иметь научно-обоснованный характер, вытекать из результатов исследования преступности в целом и в рассматриваемой сфере, ее причинного комплекса, результатов противодействия ей в конкретных условиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Байзакова Г.М. Применение оружия как квалифицирующий признак насильственных преступлений: Дисс. …канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. С. 147.
2. Иманбаев С.М. Проблемы назначения наказания за незаконное приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку или ношение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств // Вестник Пермского университета. 2010. № 3. С. 187.
3. Субанова Н.В., Шелковникова Е.Д. Теоретические и правовые основы разрешительной системы оборота оружия в России (современный период) // Военное право. 2017. № 3. С. 71–77.
4. Невский С.А. Противодействие незаконному обороту оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ. М., 2008. С. 103.
5. Григорянц С.А. Незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств как объект криминологического исследования: Дис. …канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 146.
6. Баранова Л.А. Деятельность органов внутренних дел и национальной гвардии по предотвращению преступлений и административных правонарушений в сфере незаконного оборота оружия // Вестник Уральского финансово-юридического института. 2017. № 1. С. 68.

REFERENCES

1. Baizakova G.M. The use of weapons as qualifying a sign of violent crimes: Diss. ... kand. the faculty of law. sciences'. Chelyabinsk, 2007. P. 147.
2. Imanbaev S.M. Problems of sentencing for illegal acquisition, transfer, sale, storage, transportation or carrying of weapons, ammunition, explosives and explosive devices // Bulletin of the Perm University. 2010. No. 3. P. 187.
3. Subanova N.V., Shelkovnikova E.D. Theoretical and legal basis of the licensing system of arms trafficking in Russia (modern period) // Military law. 2017. No. 3. P. 71–77.
4. Nevsky S.A. Counteraction to illegal circulation of weapons, ammunition and explosives. M., 2008. P. 103.
5. Grigoryants S.A. Trafficking in weapons, ammunition, explosives, explosive devices as an object of criminological research: Dis. ... kand. the faculty of law. sciences'. Rostov-on-don, 2011. P. 146.
6. Baranova L.A. Activities of the internal Affairs bodies and the national guard for the prevention of crimes and administrative offenses in the field of illegal arms trafficking // Bulletin of the Ural financial and legal Institute. 2017. No. 1. P. 68.

Остроушко Александр Владимирович
кандидат юридических наук, доцент департамента
правового регулирования экономической деятельности
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации.
e-mail: AVOstroushko@fa.ru

Букалеров Александр Александрович
Букалеров Сергей Александрович
Юридический институт
Российского университета дружбы народов
Москва, Россия
e-mail: law.rudn@gmail.com

Защита информационной безопасности несовершеннолетних в КНР

Защита прав несовершеннолетних в сети Интернет является одной из приоритетных задач сетевого законотворчества Китая. Система законов по регулированию кибербезопасности в Китае включает правила для онлайн-защиты несовершеннолетних. Параллельно совершенствуются государственные структуры, отвечающие за кибербезопасность, создаются онлайн системы доверия и повышения уровня управления кибербезопасностью. Статья посвящена изучению китайского опыта и выработки рекомендаций по имплементации положительного зарубежного опыта с целью совершенствования системы информационной безопасности несовершеннолетних в России. Работа подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00344.

Ключевые слова: информационная безопасность, несовершеннолетние, Китай, Россия, имплементация.

Ostroushko Alexander Vladimirovich
PhD in law, associate Professor
of the Department of legal regulation of economic activities
of the Financial University under the Government
of the Russian Federation.
e-mail: AVOstroushko@fa.ru
Bukalerov Alexander Aleksandrovich

Bukalerov Sergey Aleksandrovich
Institute of Law
of Russian people's friendship University,
Moscow, Russia
e-mail: law.rudn@gmail.com

Protection of information security of minors in the PRC

Protecting the rights of minors on the Internet is one of the priority tasks of China's network lawmaking. China's cybersecurity law system includes rules for online protection of minors. At the same time, state structures responsible for

cyber security are being improved, online trust and cyber security management systems are being created. The article is devoted to studying the Chinese experience and making recommendations on the implementation of positive foreign experience in order to improve the system of information security for minors in Russia

Keywords: information security, minors, China, Russia, implementation.

Как и во всех странах мира, в КНР обеспокоены наличием опасной, вредной для физического и морального здоровья несовершеннолетних информации в сети Интернет. Поэтому принимаются серьезные и своевременные организационные, правовые, пропагандисткие меры противодействия киберугрозам детям.

В целом Правительство Китайской Народной Республики осуществляет политику по регулированию сети Интернет на основе умелого сочетания технологий фильтрации, киберполицейского надзора и пропаганды. В 2016 году была принята Национальная стратегия информационной безопасности Китая (National Cyberspace Security Strategy) [1]. Раздел второй данного документа относит вредную онлайн-информацию к серьезным вызовам, разрушающим культурную безопасность общества.

В китайском обществе считается, что традиционная культура и основные взгляды на культурные ценности постоянно подвергаются нападениями и критике в сети Интернет. Так, распространено мнение, что интернет-слухи, недостоверная информация, а также непристойность, насилие, суеверия и другая вредная информация нарушают общественную нравственность и разъедают физическое и психическое здоровье несовершеннолетних, подрывают социальное благополучие, разрушают ценностные ориентации и ставят под угрозу культурную безопасность нации. Особенно китайское общество беспокоит информационная безопасность несовершеннолетних, для предотвращения утраты моральных норм детьми и предотвращения воздействия опасной, вредной информации на несовершеннолетних признано необходимым срочно повысить степень их онлайн-компетентности.

Укрепление онлайновой идеологии и противодействие воздействию в Китае базируется на практическом использовании концепции традиционных (в том числе социалистических) ценностей, реализации проектов создания сетевого контента, для чего сосредоточены мощные духовные силы для продвижения позитивной и поступательно развивающейся онлайн-культуры, распространение положительной энергии, сосредоточение мощных духовных сил и создание желаемой онлайн-атмосферы.

Государство поощряет расширение новых предприятий и создание новых продуктов, онлайн-культурных брендов, которые отражают дух времени и непрестанно поднимают масштабы и уровни онлайн-индустрии, внедрение

китайского проекта по распространению высококачественной культуры в Интернете, энергичное продвижение оцифровки, сетевое производство и распространение традиционной культуры и шедевров современной культуры.

Положительно, что государством поощряется обмен студентами для ознакомления китайских детей с зарубежной передовой культурой и распространения традиционной культуры Китая в мире.

Важно, что в соответствии с программными документами Китай взял курс на признание главенствующей роли морали для развития киберпространства и восстановления онлайн-экологии. Он выступает за создание цивилизованной онлайн-среды, за правомерное управление сетью и научное использование Интернета как системы безопасного обмена информацией.

Для создания благоприятной онлайн-среды для здорового взросления подростков в политическом курсе Китая закреплено повсеместное противодействие распространению недостоверной информации, непристойностей, насилия, суеверий, ереси и других незаконных и вредоносных сведений в сети.

В Китае взят курс на совершенствование системы управления сетью Интернет, приняты соответствующие законы, которыми следует руководствоваться сотрудникам правоохранительных органов.

Система законов по регулированию кибербезопасности в Китае включает правила для онлайн-защиты несовершеннолетних.

Параллельно совершенствуются государственные структуры, отвечающие за кибербезопасность, создаются онлайн системы доверия и повышения уровня управления кибербезопасностью. Для китайских детей в сети Интернет создана безопасная и здоровая среда. Государство поощряет научные исследования, разработку устройств и онлайн-сервисов, необходимых детям.

Самым важным методом защиты детей – пользователей Интернета в Китае считается метод повышения осведомленности и навыков несовершеннолетних. Для чего в Китае ежегодно в масштабах страны проходит национальная кибернеделя, она приходится на третью неделю сентября. Участие в ней принимают все без исключения – от руководителей государства и членов Правительства до школьников. В течение кибернедели проводятся тематические мероприятия – выставки, демонстрации технологий IT-безопасности, собрания в общинах, классах, семьях. Более 200 миллионов пользователей Интернета получают обучающие материалы на мобильные телефоны [2].

Закон КНР о кибербезопасности («Cybersecurity Law of the People's Republic of China») [3], принятый в конце 2016 года и вступивший в силу с 1

июля 2017 года (далее – Закон), содержит нормы, непосредственно направленные на правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних. «China Cybersecurity Law» позволяет на законных основаниях пресечь деятельность тех, кто в сети Интернет ставит под угрозу психическое и физическое здоровье детей. В ст. 13 Закона указано, что государство поощряет исследования и разработку сетевых продуктов и услуг, способствующих здоровому воспитанию несовершеннолетних; государство будет на законных основаниях наказывать использование сетей для участия в деятельности, которая ставит под угрозу психологическое и физическое благополучие несовершеннолетних; государство обеспечит безопасную и здоровую сетевую среду для несовершеннолетних.

В ст. 19 и 20 законодатель закрепил требования к средствам массовой информации, которые должны проводить целенаправленную пропаганду и просвещение в сфере кибербезопасности, ориентированной на общественность. Также государство поддерживает предприятия, учебные заведения, в частности школы и профессионально-технические училища, в области образования и обучения, связанные с кибербезопасностью.

Защита прав несовершеннолетних в сети Интернет является одной из приоритетных задач сетевого законотворчества Китая [4]. Закон «О защите несовершеннолетних» (КНР) гласит, что в первую очередь родители и другие законные представители несовершеннолетних должны принимать все меры против возникновения какой-либо зависимости в сети Интернет. Закон о преступлениях против несовершеннолетних определяет как преступную деятельность использование средств для переписки в сети Интернет или прочими цифровыми способами с целью извлечения собственной выгоды или достижения своих корыстных интересов, подвергая опасности физическое и психическое здоровье несовершеннолетних.

Временный регламент от 11 февраля 2011 года о культуре использования информационных технологий системы Интернет (утвержден распоряжением Министерства культуры Китайской Народной Республики № 51 от 17 февраля 2011 года) принят в целях укрепления управления культурой сети Интернет, защиты законных прав и интересов пользователей Интернета и содействия здоровому и упорядоченному развитию интернет-культуры Китая.

При этом провайдерам интернет-услуг запрещено производить, воспроизводить, выпускать или распространять информацию, которая в том числе оскорбляет людей или клевещет на них, посягает на другие законные права людей, в том числе несовершеннолетних.

Наличие значительного числа нормативных актов о защите информационной безопасности несовершеннолетних в Китае сходно в этом с россий-

ским законодательством в данной сфере, однако изучение и использование зарубежного опыта представляется целесообразным для России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. National Cyberspace Security Strategy of the People's Republic of China: официальный текст URL: http://www.xinhuanet.com/english/china/2017 –03/01/c_136094371.htm.
2. Китай открывает великий файрвол: выступление генерального директора бюро по информационной безопасности руководящей группы ЦК Компартии Китая по информатизации и сетевой безопасности КНР Чжао Цзэлян (Zhao Ziyang) // Материалы VIII Международного Форума безопасного Интернета (ФБИ-2017). – М., 2017. Cybersecurity Law of the People's Republic of China. URL: https://www.newamerica.org/cybersecurity-initiative/digichina/blog/translation-cybersecurity-law-peoples-republic-china/.
3. Юйсяо Ли. Правовое поле китайского киберпространства // Первый российско-китайский форум по вопросам развития и безопасности ИКТ. – М., 2016.

REFERENCES

1. National Cyberspace Security Strategy of the People's Republic of China: official URL: http://www.xinhuanet.com/english/china/2017-03/01/c_136094371.htm.
2 China opens great firewall: the speech of the Director General of the Bureau for information security steering group of the Communist party of China on information and network security of China, Zhao Csalan (Zhao Ziyang) // Materials of the VIII International Forum of the safe Internet (FBI-2017). - M., 2017. Symantec endpoint protection Law of the People's Republic of China. URL: https://www.newamerica.org/cybersecurity-initiative/digichina/blog/translation-cybersecurity-law-peoples-republic-china/.
3. YuxiaoLi. Legal framework of Chinese cyberspace // First Russian-Chinese forum on ICT development and security. – M., 2016.

Решетников Александр Юрьевич
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Москва, Россия
e-mail: agp@agprf.org

Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля как частный случай криминализации неоконченного преступления

В статье представлена уголовно-правовая характеристика состава преступления – посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля, показаны проблемы квалификации и содержание научной дискуссии относительно признаков этого состава. Аргументируется, что анализируемое преступление по своей природе относится к числу террористических. Обосновывается мысль, что повышенная степень общественной опасности предопределила подход законодателя описать неоконченное посягательство в качестве оконченного преступления.

Ключевые слова: посягательство, покушение, общественная опасность, террористическое преступление, национальная безопасность.

Reshetnikov Alexander Yuryevich
candidate of law, associate Professor,
Department of criminal law, University
of the Prosecutor's office of the Russian Federation.
Moscow, Russia
e-mail: agp@agprf.org

Encroachment on the life of a state or public figure as sui generis of unfinished offence

The article presents the criminal-law characteristic of the crime-encroachment on the life of a state or public figure; shows the problems of qualification and the content of the scientific discussion regarding the characteristics of this corpus delicti. It is argued that the analyzed crime is by its nature a terrorist one. It expalin the idea that a heightened degree of social danger predetermined the approach of the legislator to describe the uncompleted offence as a completed crime.

Keywords: encroachment, attempt, public danger, terrorist crime, national security.

В последнее время законодатель уделяет повышенное внимание проблеме уголовно-правовой регламентации ответственности за государственные преступления, посягающие на политическую и экономическую основы Российской Федерации.

Следует особо подчеркнуть, что в начале XXI века отмечается концентрация внимания российского государства на проблемах уголовно-правового обеспечения собственной безопасности, переосмысление возможностей уголовного права в этом аспекте. Одним из свидетельств этому является дополнение УК РФ новыми составами преступлений (ст. 2821, 2822 УК РФ в 2002 году, ст. 2831 УК РФ в 2012 году, ст. 2801 УК РФ в 2013 году, ст. 2823 УК РФ в 2014 год, ст. 2841 УК РФ в 2015 году). Примечательно, что с момента принятия уголовного закона 1996 года и за все время его действия не затронута реформами только одна статья гл. 29 УК РФ (ст. 284 УК РФ – «Утрата документов, содержащих государственную тайну»), что лишь подтверждает тезис о государственном переосмыслении возможностей уголовно-правового обеспечения безопасности.

С учетом этого можно с уверенностью предположить, что совершенствование уголовного законодательства России в рассматриваемом ракурсе еще не завершено, а необходимость в адекватном реагировании уголовно-правовыми средствами на быстро изменяющиеся угрозы национальной безопасности будет обусловливать и дальнейшее реформирование норм гл. 29 УК РФ. В связи с этим специалисты обоснованно прогнозируют, что количество криминализируемых законодателем деяний, направленных против конституционного строя и безопасности государства, будет возрастать и к 2024 году может достигнуть 20 [3].

Как отмечается в уголовно-правовых работах, посвященных проблемам уголовной ответственности за государственные преступления, если ущерб суверенитету и территориальной целостности проявляется во внутриполитической сфере, то речь идет о преступлениях, угрожающих внутренней безопасности (ст. 277, 278, 279 УК РФ) [16].

Принимая во внимание требования к объему настоящей публикации, следует сконцентрировать внимание на одном из преступлений, угрожающих внутренней безопасности государства, – посягательстве на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ).

В современных условиях к числу основных источников угроз национальной безопасности относится деятельность террористических и экстремистских организаций, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию работы органов государственной власти, преступные посягательства, направленные против личности, государственной власти и общественной безопасности (п. 43 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [20]).

С учетом такого понимания насильственные посягательства на государственных и общественных деятелей вполне обоснованно могут быть отнесены к числу названных угроз. Подобные деяния представляют повышенную

общественную опасность прежде всего потому, что они посягают на главную социальную ценность – жизнь человека. А в тех ситуациях, когда такие посягательства еще и дестабилизируют политическую обстановку, могут привести к подрыву основ конституционного строя, их общественная опасность увеличивается в разы.

В современных условиях посягательства на жизнь государственных и общественных деятелей, как справедливо указывают исследователи, «могут выступать средством устранения политических конкурентов, изменения внешней и внутренней политики, захвата власти, инструмента политической провокации, что не оставляет сомнений в высочайшей общественной опасности указанных деяний и их способности причинить самый серьезный ущерб интересам национальной безопасности» [11]. Как отмечает А.В. Седых, посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля, направленные на прекращение государственной или иной политической деятельности лицом, ее осуществляющим, «является наиболее опасной и жестокой формой разрешения конфликтов, возникающих в политической жизни страны» [18].

Следует заметить, что на протяжении десятилетия, вплоть до законодательных преобразований 2006 года, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля рассматривалось российским законодателем как террористический акт. Об этом свидетельствовала ранее действовавшая редакция ст. 277 УК РФ, в диспозиции которой, в скобках, на это давалось прямое указание. Как представляется, сущность анализируемого уголовно-правового запрета в результате редакции буквы уголовного закона, в ходе которой было исключено заключенное в скобки наименование деяния, принципиально не изменилась. В ст. 24 Федерального закона «О противодействии терроризму» законодатель, определяя террористическую организацию, перечисляет подготавливаемые и совершаемые ею преступления. К ним, в частности, отнесено и деяние, предусмотренное ст. 277 УК РФ [22]. Учитывая это обстоятельство, в современной уголовно-правовой науке и на практике уголовно-правовой запрет посягательств на жизнь государственных или общественных деятелей рассматривается как преступление террористического характера [4; 7].

Обращение к результатам статистического наблюдения за преступностью дает основания предполагать, что преступления, ответственность за которые предусмотрена ст. 277 УК РФ, крайне редко встречаются на практике. Так, в 1997 году было зарегистрировано 3 преступления, совершенных по ст. 277 УК РФ, в 1998 году – 3, в 1999 – 2, в 2000 – 4, в 2001 – 1, в 2002 – 5, в 2003 – 2, в 2004 – 1, в 2005 – 4, в 2006 – 1, в 2007 – 1, в 2008 – 2, в 2009 – 1, в 2010 – 4, в 2011 – 1, в 2012 – 1, в 2013 – 2; в 2014 – 0, в 2015 – 0; в 2016 – 1; в

2017 – 0. Таким образом, за 20 лет действия УК РФ официально было учтено 34 факта посягательств на жизнь государственного или общественного деятеля. При этом результаты крупных исследований по проблемам латентной преступности свидетельствуют о том, что реальное число анализируемых посягательств примерно в два раза выше регистрируемых показателей [19]. Однако считать приведенные статистические и иные криминологические показатели индикатором высокой степени защищенности государственных и общественных деятелей от посягательств на их жизнь и показателем эффективности системы мер их предупреждения было бы неверно.

Общественная опасность деяний, посягающих на жизнь государственных и общественных деятелей, заключается в том, что они наносят вред общественным отношениям, складывающимся во внутриполитической сфере реализации государственного суверенитета. Как верно отмечает Н.Н. Маршакова, «в результате совершенного деяния подвергаются угрозе основы внутренней безопасности, то есть дестабилизируется политическая обстановка в стране, обостряются противоречия в политической сфере, подрывается авторитет государства на международной арене» [10].

О повышенной степени общественной опасности исследуемых деяний среди прочего свидетельствует избранный законодателем подход к описанию этого преступления – использование конструкции так называемого усеченного состава, с переносом момента юридического завершения преступления на стадию покушения на преступление. Таким образом, можно заметить, что установление ответственности по ст. 277 УК РФ есть криминализация sui generis покушения на преступление. При наличии общей нормы об ответственности за покушение на преступление (ч. 3 ст. 30 УК РФ) законодатель с учетом исторических традиций законотворчества в данном случае пытается осуществлять уголовно-правовое противодействие деяниям, обладающим повышенной опасностью, путем нормативной фиксации покушения на преступления в виде самостоятельного состава преступления [1; 9; 12]. Тем самым из общего правила об оценке неоконченных преступлений выводится исключение, не позволяющее дать уголовно-правовую оценку покушению на преступление, предусмотренное ст. 277 УК РФ (такая же ситуация наблюдается и по ряду иных усеченных составов, например ст. 162, 317 и др.).

Вопрос о содержании объекта преступления, предусмотренного ст. 277 УК РФ, решается в уголовно-правовой литературе неоднозначно. Некоторые юристы признают, что это «однообъектное преступление, посягающее на политические основы государства» [6]; другие указывают, что «рассматриваемое посягательство относится к числу двуобъектных преступлений, где наряду с интересами государства вторым обязательным объектом выступает

жизнь» [8; 11; 14] либо «жизнь или здоровье государственного или общественного деятеля» [10; 21].

В решении проблемы объекта посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля может оказаться плодотворной идея дифференцированного анализа в зависимости от того, осуществляется ли посягательство на жизнь с целью прекращения деятельности потерпевшего или из мести за такую деятельность. Суть этой идеи, высказанной применительно к схожему по конструкции преступлению против порядка управления (ст. 317 УК РФ), состоит в следующем: «в ситуации посягательства на жизнь потерпевшего с целью прекращения его профессиональной деятельности лишение жизни является необходимым условием посягательства на отношения, которые реализуются деятельностью потерпевшего, а потому концепция составного объекта в данном случае вполне приемлема (в рассматриваемом преступлении такой объект будет состоять из отношений, гарантирующих суверенитет государства и безопасность жизни личности); а если виновный мстит за уже осуществленную законную деятельность потерпевшего, то он по логике вещей уже не в состоянии нарушить отношений по поводу деятельности, имевшей место в прошлом, и тогда, по сути, деяние виновного направлено на один объект – жизнь потерпевшего (в связи с чем, кстати, возникает вопрос о целесообразности квалификации посягательства на жизнь государственного деятеля из мести за его деятельность по нормам о преступлениях против безопасности государства)» [17].

Подобного взгляда на проблему определения объекта преступления применительно к ст. 277 УК РФ сегодня придерживается высшая судебная инстанция. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1 (с изм. от 3 ноября 2016 года) «О некоторых вопросах судебной практики по делам террористической направленности» указано, что если лицо совершает посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля... путем совершения взрыва, поджога или иных действий подобного характера в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями, содеянное надлежит квалифицировать по ст. 205 УК РФ.

Когда посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля хотя и совершается указанными способами, но в целях прекращения его государственной или политической деятельности либо из мести за такую деятельность, содеянное квалифицируется по ст. 277 УК РФ (п. 12 постановления).

Обязательным признаком рассматриваемого состава преступления являются особые характеристики потерпевшего. Согласно закону, таковым может выступать государственный или общественный деятель. Нормативного

определения данных понятий не существует. По сути, в данном случае правоприменитель имеет дело с оценочным признаком, поскольку определяющим в характеристике потерпевшего является не столько его должностное или общественное положение, сколько характер его служебных функций, масштабность и активность их осуществления, значимость деятельности потерпевшего для реализации тех или иных направлений внутренней или внешней политики государства.

Представляется, что в отношении характеристики деятельности государственного или общественного деятеля не утратило своей актуальности требование, высказанное Верховным Судом Российской Федерации в отмененном к настоящему времени постановлении № 3 от 24 сентября 1991 года «О судебной практике по делам о посягательстве на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников и военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка», согласно которому по каждому делу данной категории судам необходимо выяснять, были ли законными действия потерпевшего. В случае установления факта незаконности его действий суд, при наличии к тому оснований, должен решить вопрос о квалификации содеянного подсудимым по соответствующей статье Уголовному кодекса, предусматривающей ответственность за преступление против личности.

К числу государственных деятелей традиционно относят Президента Российской Федерации, членов Правительства Российской Федерации, судей Верховного Суда Российской Федерации, судей Конституционного суда Российской Федерации, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, членов Совета Безопасности Российской Федерации, советников и помощников Президента Российской Федерации, его полномочных представителей, уполномоченных при Президенте Российской Федерации, депутатов и сенаторов федеральных и региональных уровней, руководителей министерств, служб, агентств и их заместителей, других государственных служащих, которые своей деятельностью реализуют государственно-властные функции на федеральном и региональных уровнях. К государственным деятелям также относятся официально зарегистрированные кандидаты в президенты, кандидаты в законодательные и исполнительные органы власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, их доверенные лица, члены избирательных комиссий и т.п. [8].

С объективной стороны посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля может быть выражено в убийстве или покушении на убийство. Применительно к посягательству на жизнь сотрудника правоохранительных органов такая позиция была подтверждена практикой Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ). Так, в кассационном опре-

делении по делу Угурчиева, в котором ВС РФ признал неправильной и невозможной квалификацию содеянного виновным по ч. 3 ст. 30 и ст. 317 УК РФ именно в силу того, что покушение на убийство образует оконченный состав посягательства [12]. Это толкование сохраняет свое значение и применительно к преступлению, предусмотренному ст. 277 УК РФ. Между тем в науке высказано мнение, что посягательство на жизнь – это только покушение на убийство, в связи с чем посягательство, завершившееся наступлением смерти государственного или общественного деятеля, предлагается квалифицировать по совокупности со ст. 105 УК РФ [2; 14]. Эта позиция не получила практической поддержки.

Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля имеет усеченный состав и признается оконченным с момента начала действий виновного независимо от факта наступления общественно опасных последствий.

Характеризуя используемый законодателем термин «посягательство», Г.А. Злобин и Б.С. Никифоров подчеркивают, что «использование этого термина при описании объективной стороны преступления означает, что оно считается оконченным и квалифицируется непосредственно по статье Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации с начала выполнения действий, входящих в объективную сторону состава преступления, независимо от характера и объема причиняемого вреда» [5].

В силу указанной особенности объективной стороны причиненный в процессе посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля вред его здоровью (в ситуации, когда посягательство не привело к наступлению смерти) не требует дополнительной квалификации по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за преступления против здоровья. Такой вред полностью охватывается диспозицией ст. 277 УК РФ. Отсутствие фактического вреда здоровью государственного или общественного деятеля (например, в ситуации, когда виновный, совершая выстрел, промахнулся) не исключает квалификации содеянного при наличии иных требуемых законом признаков по ст. 277 УК РФ.

С субъективной стороны посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля характеризуется умышленной формой вины. Такой вывод обусловлен конструкцией усеченного состава преступления.

При квалификации посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля важно установить, что умысел виновного был направлен именно на лишение жизни потерпевшего. Как указывается в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 27 января 1999 года «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», при решении вопроса о направленности умысла виновного следует исходить из сово-

купности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений (например, ранения жизненно важных органов человека), а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения. Если будет установлено, что умысел виновного был направлен не на убийство, а на причинение вреда здоровью, содеянное должно быть квалифицировано по соответствующим статьям закона об ответственности за преступления против здоровья личности.

Субъект преступления также должен осознавать, что совершаемое им деяние направлено именно против государственного или общественного деятеля. Если лицо, имея умысел на лишение жизни частного лица, по ошибке причиняет смерть государственному или общественному деятелю, содеянное квалифицируется в соответствии с направленностью умысла как преступление против личности. В иной ситуации, когда, имея умысел на убийство государственного или общественного деятеля, виновный причиняет смерть частному лицу, содеянное должно квалифицироваться по правилам совокупности преступлений как преступления против безопасности государства и против личности.

Субъектом посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля является физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Лица, достигшие четырнадцатилетнего, но не достигшие шестнадцатилетнего возраста, в случае совершения анализируемого преступления несут ответственность по соответствующим статьям о преступлениях против жизни и здоровья личности (ст. 105, 111 УК РФ и др.). Если такие несовершеннолетние действовали в соучастии с лицами, достигшими шестнадцатилетнего возраста, то квалификация их действий как преступления против личности не исключает ответственности иных соучастников по ст. 277 УК РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Актуальные проблемы уголовного права курс лекций / под ред. О.С. Капинус. М., 2016.
2. Бородин С.В. Преступления против жизни. М., 1999.
3. Бошук В.А. Теоретические основы уголовно-правовой политики России в сфере государственной безопасности. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2006.
4. Бурковская В.А., Маркина В.А., Мельник В.В., Решетова Н.Ю. Уголовное преследование терроризма. М., 2008.
5. Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Умысел и его формы. М., 1972.
6. Клягин В.С. Ответственность за особо опасные государственные преступления. Минск, 1973.

7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.И. Радченко, науч. ред. А.С. Михлин. М., 2008. С. 524.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2013. С. 802.
9. Курс российского уголовного права. Общая часть под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 2001.
10. Маршакова Н.Н. Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ) // Российский следователь. 2012. № 14. С. 17–19.
11. Неделин И.Г. Посягательство на жизнь государственного и общественного деятеля (уголовно-правовые и криминологические аспекты). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
12. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2004 год // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 8.
13. Панько К.К. Теория и практика законотворчества в уголовном праве. – М., 2011.
14. Побегайло Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. Воронеж, 1965.
15. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: комментарий к главе 29 Уголовного кодекса Российской Федерации. С постатейным приложением нормативно-правовых актов и документов / Авт.-сост. А.Ю. Шумилов. М., 2001.
16. Пудовочкин Ю.Е. Преступления против безопасности государства. М., 2009.
17. Саруханян А.Р. Преступления против порядка управления. Ставрополь, 2003.
18. Седых А.В. Посягательство на жизнь государственного и общественного деятеля по уголовному праву Российской Федерации. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007.
19. Теоретические основы анализа и исследования латентной преступности / под ред. С.М. Иншакова. М., 2011.
20. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.
21. Уголовное право России. Практический курс / Под общ. ред. Р.А. Адельханяна; под науч. ред. А.В. Наумова. М., 2004.
22. Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ (в ред. от 18 апреля 2018 года) «О противодействии терроризму» // Российская газета. № 48. 10 марта 2006 года.

REFERENCES

1. Actual problems of criminal law course of lectures / ed. O.S. Kapinus. M., 2016.
2. Borodin S.V. Crime against life. M., 1999.
3. Boshuk V.A. Theoretical bases of criminal-legal policy of Russia in the sphere of state security. Abstract. dis. ... kand. the faculty of law. sciences'. Krasnodar, 2006.
4. Burkovskaya V., Markina V.A., Melnik V.V., Reshetova N.Yu. Criminal prosecution of terrorism. M., 2008.
5. Zlobin G.A., Nikiforov B.S., Mind and his forms. M., 1972.
6. Klyagin V.S. Responsibility for especially dangerous state crimes. Minsk, 1973.
7. Commentary to the Criminal code of the Russian Federation / Resp. edited by V.I. Radchenko, scientific. editor A.S. Mikhlin. M., 2008. P. 524.
8. Commentary to the Criminal code of the Russian Federation / Resp. the editorship of V.M. Lebedev. M., 2013. P. 802.
9. The course of Russian criminal law. The General part under the editorship of V.N. Kudryavtsev, A.V. Naumov. M., 2001.
10. Marshakova N.N. Encroachment on the life of a state or public figure (article 277 of the criminal code) // Russian investigator. 2012. No. 14. P. 17–19.
11. Nedelin I.G. Encroachment on the life of the state and public figure (criminal law and criminological aspects). Abstract. dis. ... kand. the faculty of law. sciences'. M., 2011.
12. Review of cassation practice of The judicial Board on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation for 2004 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2005. No. 8.
13. Panko K.K. Theory and practice of lawmaking in criminal law. – M., 2011.
14. Pobegailo E.F. Premeditated murder and the fight against them. Voronezh, 1965.
15. Crimes against the foundations of the constitutional system and state security: commentary to Chapter 29 of the Criminal code of the Russian Federation. With article application of normative legal acts and documents / Auth.-comp. Noise. M., 2001.
16. Pudovochkin U.E. Crimes against state security. M., 2009.
17. Sarukhanyan A.R. Crimes against a management order. Stavropol, 2003.
18. Sedykh A.V. Encroachment on the life of a state and public figure under the criminal law of the Russian Federation. Abstract. dis. ... kand. the faculty of law. sciences'. Kazan, 2007.
19. Theoretical bases of the analysis and research of latent crime / ed. S.M. Inshakov. M., 2011.

20. Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015. № 683 «On the national security Strategy of the Russian Federation» // Assembly of legislation of the Russian Federation. 2016. No. 1 (part II). P. 212.
21. Russian criminal law. Practical course / edited by R.A. Adelkhanyan; scientific course. ed. A.V. Naumova. M., 2004.
22. Federal law No. 35-FZ of 6 March 2006 (as amended on 18 April 2018) «On countering terrorism» // Rossiyskaya Gazeta. No. 48. 10 March 2006. 16. Pudovochkin U.E. Crimes against state security. M., 2009.

Хомич Олег Валентинович
аспирант Российского университета дружбы народов
Москва, Россия
e-mail: ugolovnoe_pravo@list.ru

Содержание субъективной стороны легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем

Автор подробно рассматривает признаки субъективной стороны легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем согласно действующему российскому уголовному законодательству. Особое внимание уделяется возможности совершения данного преступления с неосторожной формой вины. Анализируются зарубежное законодательство и международные акты.

Ключевые слова: легализация преступных доходов, вина, неосторожность, умысел.

Khomich Oleg Valentinovich
post-graduate student,
peoples' friendship University of Russia
(RUDN UNIVERSITY)
Moscow, Russia
e-mail: ugolovnoe_pravo@list.ru

Subjective side of money laundering

The author examines in detail the signs of the subjective side of money laundering in accordance with the current Russian criminal law. Particular attention is paid to the possibility of committing this crime with an imprudent form of guilt. Foreign legislation and international acts are analyzed.

Keywords: money laundering, guilt, negligence, intent.

В теории советского и российского уголовного права под субъективной стороной преступления традиционно понимается психическое отношение лица к совершенному им деянию и его последствиям [2]. Содержанием субъективной стороны выступают вина в форме умысла или неосторожности, а также мотивы и цели совершения преступления.

В доктрине не вызывает сомнения, что преступления, предусмотренные ст. 174 и 174.1 УК РФ совершаются исключительно с прямым умыслом [3]. В теории уголовного права даже существуют предложения о необходимости специально указать на умышленный характер совершенного деяния. Действительно, наличие специальной цели и формальная конструкция составов легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, при-

обретенных преступным путем указывают на единственно возможный умышленный характер совершенного деяния и прямой вид умысла.

В теоретических работах справедливо отмечается, что главным «при определении легализации выступает не способ совершения тех или иных действий, а цель – придание правомерного вида указанным денежным средствам или имуществу. Объективная сторона легализации (отмывания) преступных доходов должна включать в себя совершение любых действий с доходами, полученными преступным путем, независимо от формы и способа их осуществления, направленных на придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными доходами» [7].

В постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» указано, что «цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, приобретенными преступным путем (в результате совершения преступления), как обязательный признак составов преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ, может быть установлена на основании фактических обстоятельств дела, указывающих на характер совершенных финансовых операций или сделок, а также иных сопряженных с ними действий виновного лица и его соучастников, направленных на сокрытие факта преступного приобретения имущества и обеспечение возможности его свободного оборота. Такая цель может проявляться, в частности:

а) в приобретении недвижимого имущества, произведений искусства, предметов роскоши и т.п. при условии осознания и сокрытия виновным преступного происхождения денежных средств, за счет которых такое имущество приобретено;

б) в совершении сделок по отчуждению имущества, приобретенного преступным путем (в результате совершения преступления), в отсутствие реальных расчетов или экономической целесообразности в таких сделках;

в) в фальсификации оснований возникновения прав на денежные средства или иное имущество, приобретенные преступным путем (в результате совершения преступления), в том числе гражданско-правовых договоров, первичных учетных документов и т.п.;

г) в совершении финансовых операций или сделок по обналичиванию денежных средств, приобретенных преступным путем (в результате совершения преступления), в том числе с использованием расчетных счетов фирм-однодневок или счетов физических лиц, не осведомленных о преступном происхождении соответствующих денежных средств;

д) в совершении финансовых операций или сделок с участием подставных лиц, не осведомленных о том, что задействованные в соответствующих финансовых операциях и сделках денежные средства и иное имущество приобретены преступным путем (в результате совершения преступления);

е) в совершении внешнеэкономических финансовых операций или сделок с денежными средствами и иным имуществом, приобретенными преступным путем (в результате совершения преступления), осуществляемых при участии контрагентов, зарегистрированных в офшорных зонах;

ж) в совершении финансовых операций или сделок с использованием электронных средств платежа, в том числе неперсонифицированных или персонифицированных, но принадлежащих лицам, не осведомленным о преступном происхождении электронных денежных средств.

Совершение указанных финансовых операций или сделок само по себе не может предрешать выводы суда о виновности лица в легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем (в результате совершения преступления). В каждом конкретном случае необходимо с учетом всех обстоятельств дела установить, что лицо заведомо совершило финансовую операцию или сделку с целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом».

Следует отметить, что в судебной практике встречаются случаи, когда суд фактически не учитывает специальную цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, приобретенными преступным путем.

Так, К.Л. признана виновной в преступлении, предусмотренного ч.1 ст.174.1 УК РФ. Однако для квалификации действий по ст.174.1 УК РФ необходимо было установить, что названные финансовые операции и другие сделки с денежными средствами или иным имуществом совершены в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом.

Как установлено судом в приговоре, К.Л. при покушении на незаконный сбыт наркотических средств в крупном размере получила деньги, из которых N рублей перечислила на погашение долга по ипотечному кредиту. Однако по делу не установлено, что при совершении вышеуказанных действий К.Л. преследовала цель отмывания денежных средств, полученных ею в результате совершения преступления, и имела умысел на их легализацию, по делу установлено, что она лишь потратила часть денег, полученных в результате совершенного ею преступления. С учетом изложенного, выводы суда о доказанности вины К.Л. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 174 УК РФ, Президиум находит ошибочными.

Другим примером ошибочной квалификации является следующий: А., используя денежные средства в сумме 1200 рублей, полученные от продажи наркотиков, приобрел в ювелирном отделе магазина золотое кольцо. Эти действия осужденного были квалифицированы судом по ч. 1 ст. 174.1 УК РФ.

Суд указал, что, исходя из требований Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступных путем, и финансированию терроризма», до приобретения золотого кольца А. должен был совершить действия по приданию деньгам, полученным от сбыта марихуаны, вида законного дохода. Однако это не было установлено ни органами предварительного следствия, ни судом и в вину ему не вменялось.

Напротив, установлено, что денежные средства осужденный использовал для личных целей – приобретения золотого украшения для сожительницы.

Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ отметила в определении, что действия А. были направлены на приобретение имущества не имели цели придания правомерности владения деньгам, полученным в результате совершения преступления, поэтому в его действиях отсутствует состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 174.1 УК РФ, и дело в этой части прекратила на основании п. 2 ч.1 ст. 24 УПК РФ.

Таким образом, в судебной практике существует проблема верной квалификации при установлении цели придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, приобретенными преступным путем. Однако такая проблема в большей степени связана не с самой трактовкой содержания этой цели, а игнорирования ее как обязательного признака субъективной стороны рассматриваемых составов преступлений. В связи с этим прав И.Г. Тер-Аванесов, указывающий, что «обязательным признаком субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ, является цель – стремление придать правомерный вид владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенных преступным путем. Наличие данного признака субъективной стороны в диспозиции нормы, предусматривающей ответственность за совершение легализации преступных доходов, отражает сущность процесса легализации» [5].

Еще один вопрос, который заслуживает внимания в части анализа проблем вины в рассматриваемых составах преступлений – это возможность расширения уголовной ответственности за счет неосторожных деяний.

Этот вопрос косвенно рассматривался в теории уголовного права. Так, А.В. Смагина отмечает, что «в российском уголовном законодательстве вопрос о вине в легализации преступных доходов решен в пользу прямого умысла, то есть преступник осознает, что совершает финансовые операции и другие сделки с денежными средствами или иным имуществом, приобре-

тенным преступным путем, или использует это имущество в предпринимательской или иной экономической деятельности и желает их совершения, при этом цель (придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами и иным имуществом) является обязательным признаком состава преступления. Таким образом, в российском уголовном законе, в отличие от зарубежного (например, Германии, США), не криминализирована неосторожная форма вины применительно к данной категории преступлений. Придерживаясь позиции, согласно которой следует избегать криминализации неосторожных деяний в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, дабы не ограничивать свободу последней и не создавать эффекта напряженности для лиц, осуществляющих там свою деятельность, подход российского законодателя в определении субъективной стороны рассматриваемого преступления», по мнению автора, наиболее удачный [4].

На возможность установления уголовной ответственности за неосторожные случаи легализации преступных доходов указывается в международных документах. Так, в Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (Варшава, 2005 год) сказано, что каждая Сторона может принять законодательные и другие необходимые меры, которые она сочтет необходимыми, чтобы квалифицировать в качестве преступлении?, согласно ее внутреннему законодательству, все или некоторые действия, указанные в Конвенции, в любом или всех из следующих случаев, когда преступник:

а) подозревал, что имущество является доходом, полученным преступным путем;

б) должен был предполагать, что имущество является доходом, полученным преступным путем.

Фактически этот опыт был реализован в уголовном законодательстве ФРГ, в котором указано, что кто по легкомыслию не распознает, что предмет получен в результате совершения противоправного деяния, наказывается лишением свободы на срок до двух лет или денежным штрафом.

В связи с этим представляется интересным рассмотрение возможности уголовной ответственности в подобных случаях согласно российскому уголовному законодательству.

1. В международных документах нет обязательств по установлению ответственности за неосторожные случаи легализации (отмывания) преступных доходов, связанные с неосведомленностью лица о преступном происхождении имущества. Более того, установление такой ответственности является скорее исключением из правил.

2. Согласно российскому уголовному законодательству, такие действия могут рассматриваться как совершенные по небрежности. Действительно, в том случае, если лицо не знало о преступном происхождении имущества, но, исходя из сложившейся обстановки, должно было и могло предполагать, что денежные средства и иное имущество приобретено преступным путем, с точки зрения субъективной стороны состава преступления, имеет место небрежность.

3. Ответственность за небрежную легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем в современной концепции российского уголовного права представляется излишней. Такие действия не обладают достаточной степенью общественной опасности, характерной для преступного деяния. При этом в том случае, если на лице лежала обязанность проверить характер происхождения имущества, в частности, при проведении банковских операций, то такое лицо может нести административную ответственность за неисполнение требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов. Уголовная ответственность в таком случае будет избыточной.

Заметим, что проведенный опрос практикующих юристов показал, что 85 процентов опрошенных выступают против установления уголовной ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, совершенную с неосторожной формой вины.

4. Невозможность наступления уголовной ответственности за неосторожную легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, предполагает в качестве обязательного признака вины в рассматриваемом деянии – осознание виновным лицом преступного характера происхождения денежных средств или иного имущества. На это же обстоятельство указывается в действующем постановлении Пленума ВС РФ: при квалификации содеянного по ст. 174 или ст. 175 УК РФ суду необходимо установить, что виновное лицо заведомо знало о преступном происхождении имущества, с которым совершало финансовые операции и другие сделки, а также действия по приобретению или сбыту. При этом, по смыслу закона, лицо может быть не осведомлено о конкретных обстоятельствах основного преступления.

В целом, подводя итог исследования признаков субъективной стороны легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, заметим следующее: предложения об установлении ответственности за неосторожную легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем являются

необоснованными по следующим причинам: а) излишне расширят пределы уголовной ответственности за рассматриваемое деяния; б) не являются частью международных обязательств в сфере противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов, а являются исключением из общего правила, остающегося на усмотрение отдельных государств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности. СПб., 2007.
2. Дагель П.С. Субъективная сторона преступления. М., 1974.
3. Русанов Г.А. Противодействие легализации (отмыванию) преступных доходов. М., 2017.
4. Смагина А.В. Легализация преступных доходов: сравнительный анализ уголовного законодательства России и зарубежных стран: дис. …канд. юрид. наук. М., 2006.
5. Тер-Аванесов И.Г. Легализация денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем: дис. …канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005.
6. Уголовное право. Часть Общая / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М., 2006.
7. Эм В.Ю. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: дис. …канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004.
8. Vysotskaya N.V. et al. Mathematical modelling of the dependence of foreign direct investments on the protection level of property rights / N.V. Vysotskaya, S.N. Sayfieva, I.V. Afanasyev, A.A. Dembitsky, G.N. Nikolaeva // International Journal of Simulation: Systems, Science and Technology (IJSSST). 2018.Volume 19, Issue:6, pp. 37.1-37.3.

REFERENCES

1. Volzhenkin B.V. Crimes in the sphere of economic activity. SPb., 2007.
2. Dagel P.S. Subjective side of the crime. M., 1974.
3. Rusanov G.A. Counteraction to legalization (laundering) of criminal proceeds. M., 2017.
4. Smagina A.V. Legalization of proceeds of crime: a comparative analysis of criminal legislation of Russia and foreign countries: dis. ... kand. the faculty of law. sciences’. M., 2006.
5. Ter-Avanesov I.G. Legalization of funds and other property acquired by criminal means: dis. ... kand. the faculty of law. sciences’. Stavropol, 2005.

6. Criminal law. General part / Under the editorship of L.V. Inogamova-Khegai, A.I. Raroga , A.I. Chuchaeva. M., 2006.
7. Criminal law and criminological characteristics of the legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means: dis. ... kand. the faculty of law. sciences'. Rostov-on-don, 2004.
8. Vysotskaya N.V. et al. Mathematical modelling of the dependence of foreign direct investments on the protection level of property rights / N.V. Vysotskaya, S.N. Sayfieva, I.V. Afanasyev, A.A. Dembitsky, G.N. Nikolaeva // International Journal of Simulation: Systems, Science and Technology (IJSSST). 2018.Volume 19, Issue:6, pp. 37.1-37.3.

Шимшилова Эльмира Сулеймановна
аспирант Российского университета дружбы народов
Москва, Россия
e-mail: ugolovnoe_pravo@list.ru

Необходимость совершенствования уголовного законодательства об ответственности за преступления коррупционной направленности, совершаемые в коммерческих организациях

Статья посвящена исследованию проблем совершенствования уголовного законодательства об ответственности за преступления коррупционной направленности, совершаемые в коммерческих организациях, на основе ряда работ, посвященных этой проблеме. В работе анализируются предложения авторов научных трудов, специалистов в исследуемой области, о внесении изменений в соответствующие статьи Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовное законодательство, коррупционная направленность, коммерческий подкуп, превышение полномочий.

Shimshilova Elmira Suleimanovna
post-graduate student
of the Peoplesr friendship university of Russia.
(RUDN UNIVERSITY)
Moscow, Russia
e-mail: ugolovnoe_pravo@list.ru

The necessity of improvement of criminal legislation on liability for crimes of corruption committed in commercial organizations

The article is devoted to the study of the problems of improving the criminal legislation on liability for corruption-related crimes committed in commercial organizations on the basis of a number of works on this problem. The paper analyzes the proposals of the authors of scientific works, experts in the field of study, on amendments to the relevant articles of the Criminal code of the Russian Federation.

Keywords: criminal legislation, corruption orientation, commercial bribery, abuse of authority.

Следует подчеркнуть, что в теории уголовного права вопрос совершенствования уголовного законодательства в рассматриваемой области был исследован рядом авторов. Среди наиболее интересных предложений отметим следующие.

В диссертационном исследовании А.О. Далгатовой «обосновывается необходимость установления уголовной ответственности за превышение слу-

жебных полномочий лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, поскольку совершение таким лицом действий, выходящих за пределы предоставленных ему полномочий, не охватывается признаками составов преступлений, предусмотренных УК РФ. В связи с этим предлагается включить в УК РФ новую статью в следующей редакции.

Статья 201.1. Превышение полномочий лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации.

1. Совершение лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой и иной организации, действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства, наказывается штрафом в размере от ста до четырехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок от шести месяцев до двух лет, либо арестом на срок от одного до шести месяцев, либо лишением свободы на срок от года до четырех лет.

2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, если они совершены: с причинением тяжких последствий; группой лиц по предварительному сговору или организованной группой наказываются штрафом в размере от двухсот тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет или без такового либо лишением свободы на срок от двух до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от года до трех лет.

3. В целях единообразного понимания лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой и иной организации, автор предлагает пересмотреть определение лица, выполняющего управленческие функции, скорректировав Примечание 1 к рассматриваемой статье путем замены слов «в коммерческой или иной организации, а также в некоммерческой организации» словами «в коммерческой организации независимо от формы собственности и в некоммерческой организации»» [1].

Анализируя предложения автора в исследуемой области, особо следует обратить внимание на предложение о необходимости установления уголовной ответственности за превышение полномочий в коммерческой организации. Представляется, что данное предложение заслуживает внимания и поддержки. Более подробно вопрос установления уголовной ответственности за данное деяние будет рассмотрен далее.

А.М. Хорава предлагает изложить диспозицию ч. 1 ст. 201 УК РФ в новой редакции: «Реализация лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации своих полномочий вопреки законным интересам этой организации, или совершение им действий, явно выходящих за пределы его полномочий в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц, либо нанесения вреда другим лицам, если эти деяния повлекли причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций, либо охраняемым законом интересам общества или государства» и, соответственно, изменить наименование указанной статьи на «Злоупотребление или превышение полномочий» [2].

Таким образом, автор предлагает также сделать самостоятельное указание на превышение полномочий в коммерческой или иной организации. Правда, в рамках единой уголовно-правовой нормы. Думается, что такой подход следует оценить критично ввиду того, что превышение полномочий и злоупотребление полномочиями являются деяниями с различной степенью общественной опасности, поэтому объединение их в рамках одной уголовно-правовой нормы представляется необоснованным.

И.А. Кузнецова рассматривала вопрос совершенствования уголовного законодательства об ответственности за коммерческий подкуп и отмечала, что «изучение особенностей объективных признаков коммерческого подкупа привело к выводу о необходимости изменения законодательной формулировки диспозиций ст. 204 УК РФ, а также структуру статьи. По мнению автора, в УК РФ следует включить раздел «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях», в который включить соответствующую главу, содержащую ст. 201, 202, 203, 204.1 и 204.2. В последующем содержание этого раздела может расширяться.

Статья 204.1. Получение коммерческого подкупа.

1. Незаконное получение лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, лично или через посредника, денег, ценных бумаг, иного имущества, а равно незаконное пользование услугами имущественного характера за совершение действий (бездействия) в интересах дающего или указанных им лиц, а также за общее покровительство или попустительство в отношении дающего или указанных им лиц, вопреки интересам службы в названных организациях и в связи с занимаемым этим лицом служебным положением, наказываются штрафом в размере от пятисот до восьмисот минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от пяти до восьми месяцев, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо лишением свободы на срок до трех лет.

2. Те же деяния, если они: а) совершены группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; б) совершены неоднократно; в) сопряжены с вымогательством; г) совершены в крупном размере, наказываются штрафом в размере от семисот до одной тысячи минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от семи месяцев до одного года, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок до пяти лет.

Статья 204.2. Передача коммерческого подкупа.

1. Незаконная передача лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации лично или через посредника денег, ценных бумаг, иного имущества, а равно незаконное оказание ему услуг имущественного характера за совершение действий (бездействия) в интересах дающего или указанных им лиц, а также за общее покровительство или попустительство в отношении дающего или указанных им лиц, вопреки интересам службы в названных организациях и в связи с занимаемым этим лицом служебным положением, наказываются штрафом в размере от двухсот до пятисот минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до пяти месяцев, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до двух лет.

2. Те же деяния, совершенные: а) неоднократно; б) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; в) в крупном размере, наказываются штрафом в размере от пятисот до восьмисот минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от пяти до восьми месяцев, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо арестом на срок от трех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до четырех лет» [3].

Таким образом, автор предлагает разделить активный и пассивный коммерческий подкуп в виду их различной степени общественной опасности. Думается, что для коррупционных преступлений в коммерческих организациях данную инициативу следует оценить критически. Данное решение будет, по сути, техническим и не изменит пределы уголовной ответственности за исследуемые деяния.

По тем же причинам следует критически оценить предложение Н.В. Полосина, предлагающего следующую редакцию ст. 204 «Коммерческий подкуп» УК РФ:

Статья 204 «Дача коммерческого подкупа».

1. Передача лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации денег, ценных бумаг, иного имущества, а равно оказание ему услуг имущественного характера, осуществление работ или предоставление выгод имущественного характера, за совершение обусловленных подкупом незаконных действий (бездействия) в интересах дающего в связи с имеющимися у этого лица служебными полномочиями наказывается.

2. Те же деяния, совершенные а) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; б) неоднократно; в) в крупном размере [4].

Перечисление теоретических подходов к вопросам развития уголовного законодательства в сфере ответственности за преступления против интересов службы в коммерческих организациях можно было продолжить. В целом, анализируя теоретические модели совершенствования уголовного законодательства в рассматриваемой области, можно отметить ряд направлений развития, рассматриваемых в доктрине уголовного права:

а) выделение в качестве самостоятельного состава преступления превышения полномочий в коммерческой организации;

б) совершенствование диспозиций уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против интересов службы в коммерческой или иной организации, в частности, критика отдельных признаков состава преступления;

в) выделение активного и пассивного коммерческих подкупов в самостоятельные составы преступлений;

г) предложение о добавлении новых квалифицирующих признаков преступлений, предусмотренных ст. 201, 204 УК РФ;

д) уточнение примечания к ст. 201 УК РФ, связанное с ограничением пределов уголовной ответственности за исследуемые преступления, либо освобождением от уголовной ответственности за них.

Принимая во внимание и признавая научную и познавательную ценность теоретических положений относительно исследуемого вопроса, однако, на наш взгляд, следует обратить внимание на два основных аспекта возможного совершенствования российского уголовного законодательства в рассматриваемой области:

а) установление уголовной ответственности за превышение полномочий в коммерческой организации в рамках самостоятельной уголовно-правовой нормы;

б) выделение в качестве самостоятельного состава преступления злоупотребления полномочий медицинскими работниками как специального вида преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ.

Начнем исследование с рассмотрения вопроса о возможности установления уголовной ответственности за превышение полномочий в коммерческой организации в рамках самостоятельной уголовно-правовой нормы.

Ранее, рассматривая теоретические подходы к совершенствованию законодательства в исследуемой области, мы обращали внимание, что в диссертационных исследованиях такое предложение встречается.

Представляется, что применительно к данному вопросу следует заметить.

1. Превышение полномочий в коммерческой организации является специфическим деянием, в значительной степени отличающимся по степени общественной опасности от злоупотребления полномочиями в коммерческой организации. Безусловно, превышение полномочий является менее общественно-опасным, чем злоупотребление полномочиями.

При этом превышение полномочий потенциально также может принести значительный вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Например, руководитель коммерческой организации, выходя за пределы своих полномочий в процессе осуществления деятельности по управлению организацией, может нанести существенный вред как собственникам организации, так государству или третьим лицам.

2. В настоящий момент случаи превышения полномочий в коммерческой организации не урегулированы в уголовном законодательстве. В связи с этим следует говорить о пробеле в уголовном законе и необходимости его устранения.

3. Установление ответственности за превышение полномочий в коммерческих организациях соответствует логике развития уголовного законодательства в рассматриваемой области. В частности, применительно к преступлениям против государственной службы, которые являются смежными по отношению к преступлениям против интересов службы в коммерческой организации, установлена ответственность как за злоупотребление должностными полномочиями, так и за превышение должностных полномочий.

Заметим, что 75 процентов опрошенных экспертов (сотрудников правоохранительных органов, сотрудников служб безопасности организаций, корпоративных юристов) поддержали необходимость установления уголовной ответственности за превышение полномочий в коммерческих организациях.

Таким образом, в пользу установления уголовной ответственности за превышение полномочий в коммерческих организациях свидетельствуют следующие факторы: превышение полномочий потенциально может принести значительный вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям; в настоящий момент случаи превышения полномочий в коммерческой организации не урегулированы в уголовном законодательстве; установление ответственности за превышение полномочий в коммерческих органи-

зациях соответствует логике развития уголовного законодательства в рассматриваемой области.

Второй вопрос, связанный с совершенствованием российского уголовного законодательства в сфере ответственности за преступления против интересов службы в коммерческой организации, который следует рассмотреть, – это вопрос выделения в качестве самостоятельного состава преступления злоупотребления полномочиями медицинскими работниками как специального вида преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ. Применительно к данному вопросу следует отметить несколько аспектов.

1. Действия медицинских работников, злоупотребляющих своими полномочиями, потенциально могут принести значительный вред охраняемым уголовным законам общественным отношениям. Например, врач в частном медицинском учреждении по договоренности с фармацевтической компанией назначает значительно более дорогостоящие препараты, чем необходимо в конкретном случае, за что получает определенные финансовые бонусы от этой фармацевтической компании. Таким образом, причиняется значительный финансовый ущерб пациенту.

Проведенный опрос экспертов показал, что подобные случаи злоупотребления полномочиями медицинскими работниками являются частыми в практике деятельности учреждений здравоохранения в России.

2. В настоящий момент уголовная ответственность за такое деяние не предусмотрена в уголовном законодательстве. По сути, врач на законных основаниях имеет возможность использовать свои полномочия в корыстных или каких-либо иных целях. Поэтому в данном случае можно говорить о наличии пробела в российском уголовном законодательстве.

3. Установление уголовной ответственности медицинских работников в случае злоупотребления полномочиями соответствует зарубежному опыту в данной области. В частности, в УК ФРГ в качестве особых случаев ответственности за подкуп в частном секторе в уголовном законодательстве выделен подкуп в сфере осуществления медицинской деятельности. Таким образом, немецкий законодатель рассматривает данное деяние с повышенной степенью общественной опасности. Данный фактор связан с тем, что в последние годы немецкие фармацевтические компании все чаще ведут борьбу за клиентов, прибегая к незаконным методам, в частности подкупу врачей, чтобы назначались определенного типа препараты и т.д.

Таким образом, в пользу установления уголовной ответственности за злоупотребления полномочиями медицинскими работниками свидетельствуют следующие факторы: действия медицинских работников, злоупотребляющих своими полномочиями, потенциально могут принести значительный вред охраняемым уголовным законам общественным отношениям; в настоя-

щий момент, уголовная ответственность за такое деяние не предусмотрена в законодательстве; установление уголовной ответственности медицинских работников в случае злоупотребления полномочиями соответствует зарубежному опыту в данной области.

Также отметим, что 65 процентов опрошенных экспертов (сотрудников правоохранительных органов, сотрудников служб безопасности организаций, корпоративных юристов) поддержали необходимость установления уголовной ответственности за злоупотребления полномочиями медицинскими работниками.

Подводя итог исследования проблем совершенствования уголовного законодательства об ответственности за преступления коррупционной направленности, совершаемые в коммерческих организациях, отметим следующее.

1. Необходимо установление уголовной ответственности за превышение полномочий в коммерческих организациях. В пользу такого решения свидетельствуют следующие факторы: превышение полномочий потенциально может принести значительный вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям; в настоящий момент случаи превышения полномочий в коммерческой организации не урегулированы в уголовном законодательстве; установление ответственности за превышение полномочий в коммерческих организациях соответствует логике развития уголовного законодательства в рассматриваемой области.

2. Целесообразно установление уголовной ответственности за злоупотребления полномочиями медицинскими работниками. В пользу такого решения свидетельствуют следующие факторы: действия медицинских работников, злоупотребляющих своими полномочиями потенциально могут принести значительный вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям; в настоящий момент, уголовная ответственность за такое деяние не предусмотрена в уголовном законодательстве; установление уголовной ответственности медицинских работников в случае злоупотребления полномочиями соответствует зарубежному опыту в данной области.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Далгатова А.О. Уголовно-правовые и криминологические проблемы злоупотребления полномочиями в коммерческой организации: дис. …канд. юрид. наук. Махачкала, 2011. С. 12.
2. Хорава А.М. Ответственность за злоупотребление полномочиями в коммерческих организациях и иных организациях по уголовному праву России: дис. …канд. юрид. наук. М., 2008. С. 12.
3. Кузнецова И.А. Ответственность за коммерческий подкуп: дис. …канд. юрид. наук. М., 2003. С. 11.

4. Полосин Н.В. Уголовно-правовая характеристика коммерческого подкупа: дис. …канд. юрид. наук. М., 2000. С. 13.

REFERENCES

1. Dalgatova A.O. Criminal law and criminological problems of abuse of authority in a commercial organization: dis. ... kand. the faculty of law. sciences'. Makhachkala, 2011. P. 12.
2. Liability for abuse of power in commercial organizations and other organizations under the criminal law of Russia: dis. ... kand. the faculty of law. sciences'. M., 2008. P. 12.
3. Kuznetsova I.A. Responsibility for commercial bribery: dis. ... kand. the faculty of law. sciences'. M., 2003. P. 11.
4. Polosin N.V. In. Criminal-legal characteristic of commercial bribery: dis. ... kand. the faculty of law. sciences'. M., 2000. P. 13.